

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

НЕБО В АЛМАЗАХ

Анатолий Галкин

Небо в алмазах

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2347045

Аннотация

В Амстердаме известному ювелиру Ван Гольду наши братки приносят самодельные алмазы, которые нельзя отличить от настоящих. Якобы у них в Москве есть умелец. Он печет бриллианты, как пирожки!.. Ювелир покупает партию камней, а сам собирается в Москву – искать изобретателя.

А в Москве в комнатке на Арбате живет актриса Верочка Заботина. Ей скоро тридцать, а семьи пока нет. И кругом надвигаются неприятности – риэлтор выгоняет из квартиры, режиссер тянет в постель, а перспективный жених изменяет с богатой теткой!..

Верочка бросает все и едет в домик на Оке... Когда она возвращается в Москву, ей приходится жить по документам убитой женщины – Ольги Сытиной, у которой был муж и дети. Но у Ольги была и вторая жизнь. Она возила алмазы в Амстердам.

Вера встречается с Алексеем Сытиным, и между ними возникает симпатия. Но это лишь начало!..

Развязка этой истории самая неожиданная!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	50
Глава 3	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анатолий Галкин

Небо в алмазах

Пролог

Он чувствовал необычное возбуждение, бодрость, прилив сил. Сегодня он, ювелир Пауль Ван Гольд, начинает борьбу, которая спасет мир и обогатит его. Но о последнем, о крупной выгоде для себя он старался не думать. После пятидесяти лет приходят мысли о вечном. Хочется помочь человечеству просто так. Бесплатно. Бескорыстно!

Магазин ювелира располагался в самом центре Амстердама на улице под названием Дамрак. И это не потому, что так захотелось хозяину, а потому, что так надо для успешного бизнеса.

С утра до ночи на главной торговой улице Дамрак суетились толпы разноязыких туристов. Всё вокруг пестрило рекламой, всё кричало и вопило, зазывая покупателя. Хорошо зная русский язык, Пауль для себя сократил название улицы, убрав две первые буквы – Мрак.

Ювелир не любил этот «бразильский карнавал». Он с детства не любил суматохи. Он родился и до пятнадцати лет жил в спокойном солидном городе Минске. Только это было давно. За сорок лет мальчик Паша Гольдман с улицы Коль-

цова стал настоящим голландцем. Ни имя свое, ни фамилию он почти не изменил, а лишь подправил, сделал привычной для их иностранного уха. И действительно: многим ли отличается Пауль Ван Гольд от Павла Гольдмана...

Ювелир прошел через свой магазин и поднялся в офис. Никто из его сотрудников не знал, что из кабинета шефа есть еще один выход. Потайная дверь скрывалась за узким книжным шкафом и вела в квартирку соседнего дома. А из нее можно было спуститься в подъезд, выводящий на тихую улочку.

В этой шикарно обставленной квартире Пауль встречался с теми, кто не хотел светиться в самом дорогом ювелирном магазине Амстердама.

Сегодня был именно такой случай. Ван Гольд пригласил человека, который должен стать его правой рукой, его основным оружием при спасении человечества.

Ювелир был до смешного суеверен. Сейчас он загадал, что все завершится отлично, если Винсент придет вовремя. Или опоздает не более чем на три минуты.

Выложив перед собой точные часы, Ван Гольд уставился на дверь.

Звонок прозвучал ровно в полдень. Секунда в секунду...

Все началось две недели назад...

Жизнь хорошо потрепала Ван Гольда. Алмазный бизнес — не игрушки. Вокруг него кучковались всякие проходимцы.

От мелких жуликов, сбывающих стразы из горного хрусталя, до самой натуральной мафии со всеми ее прибабасами.

Ювелир имел крепкие нервы и тонкую интуицию. Но две недели назад вдруг все это полетело к черту. Всегда спокойный внутренний голос начал паниковать и вопить о грозящей катастрофе. И не только для него, как для ведущего специалиста по дорогим блестящим камушкам. Беда надвигалась на всех, на Амстердам, на Европу, на весь мир...

Две недели назад усталый Пауль Ван Гольд завершив трудовой день, направлялся в свою квартиру. Этот путь он всегда проделывал пешком. Велосипед он не любил, а жители центральной части Амстердама с давних пор не уважали двигатели внутреннего сгорания. Автомобиль здесь был таким инородным телом, как телега на Тверской.

Господин Ван Гольд уже давно не испытывал стрессов. Когда он заработал свой десятый миллион, возникло состояние уверенности и безоблачного счастья. Он поднялся над мутным водоворотом алмазного рынка и спокойно плыл вперед, как белый пароход среди акул и пиратских лодочек. И дело не в деньгах и даже не в их количестве. Не такое уж большое у него состояние! Не хватит и на одного футболиста для хорошего европейского клуба. Дело было в другом. Ювелир понял, что в своем деле стал последней инстанцией. Крупный бриллиант могли оценивать у десяти специалистов, но после вердикта самого Пауля Ван Гольда к другим уже не обращались. Бесполезно и даже неприлично!

Уверенность в своем превосходстве грела душу. Понятно, что удачливый ювелир не прыгал от радости, но постоянно испытывал «чувство глубокого удовлетворения». Эта фраза из далекого минского детства часто всплывала в памяти.

Именно в таком вот удовлетворенном состоянии две недели назад он возвращался с работы.

Пауль шел вдоль одного из каналов. Эти старинные оборонительные сооружения кольцами расходились от центра города. Как и в Москве. Только в Первопрестольной строили стены и земляные валы, а здесь копали, отводя лишнюю воду.

Его квартира была в большом доме, но имела отдельный вход с улицы. Не дворец – всего-то шесть комнат, но для одинокого ювелира и приходящей служанки вполне достаточно.

К его крыльцу вели пять гранитных ступеней. Позеленевший навес, чугунная решетка, дубовая дверь – все это новое, но в деталях повторявшее старинную работу.

Уже на первом этаже Ван Гольд уловил непривычный запах. Слегка тянуло табачищем, а в этом доме не курили ни при каких обстоятельствах.

Пауль понимал, что это мелочь. Могло ветром занести с соседнего балкона. Но раньше такого не было, и это порождало тревогу. Поднимаясь по лестнице, ювелир чувствовал, как нарастает страх.

Перед входом в кабинет он замер, пытаясь успокоиться, и рывком распахнул дверь.

В большой комнате сидели двое. Один прямо напротив в любимом кресле хозяина, а второй, страхующий, у двери.

Очевидно, они ждали испуга, попытки к бегству или дурацких вопросов типа: «Как вы здесь оказались?»

Они ждали, но не дождались... В свои пятьдесят лет Ван Гольд имел крепкую спортивную фигуру. Расправив плечи, он уверенным шагом пересек кабинет, подошел к бару, открыл его и небрежно бросил через плечо:

– Что будите пить, господа? Виски, коньяк?

– Водку!

Ответил тот, что сидел в кресле. Стало ясно, что он главный, а тот, что у двери так, шестерка на подстраховке.

И главное – стало ясно, что это русские.

Странное дело, но Пауль сразу об этом подумал. Еще до упоминания национального напитка. Несмотря на то, что оба налетчика были в безукоризненной одежде. И лица, и прически были у них на первый взгляд средневропейские. Возможно, их выдавали глаза: настороженные, виноватые, завистливые.

Нет, это невозможно объяснить. Как из тысяч лиц человек узнает того, кого видел давно и мельком. Ведь всё у всех похоже: носик, ротик, оборотик. Но глаз замечает, а мозг анализирует мельчайшие отклонения в каждой физиономии... Так и здесь. По каким-то неуловимым признакам Пауль сразу решил, что перед ним русские. И не ошибся!

– Мы будем пить водку, профессор... Но не сразу, а когда заключим договор.

– Я совсем не профессор. Возможно, вы ошиблись квартирой?

– Вы Пауль Ван Гольд?

– Я.

– Значит мы к вам... А про профессора – это я так. В том смысле, что вы главный спец в своем деле. Нам намекнули, что и для фирмы «Де Бирс» вы в авторитете... Опять же, только с вами можно на русском базарить. А то у нас с этим делом плохо. Федор вообще к языкам не способный, а я немецкий знаю, но не очень. Слов двадцать-тридцать. Как говорится, хальт и хенде хох.

При последних словах Федор, тот, что сидел у двери, встрепенулся и напрягся. Очевидно, что у него были все-таки способности к языкам. Даже без перевода он вспомнил, что в старых фильмах про войну при этих словах начинались потасовки, побеги, стрельба.

Интуиция пока не давала Ван Гольду тревожных сигналов. Не очень приятно, когда к тебе в дом врываются двое козлов из русской мафии. Но все говорило о том, что они вломились с мирной миссией. Он им нужен! Не побитый и обозленный, а как специалист, как профессор по алмазам.

Пауль разместился в кресле напротив основного перего-

ворщика. При этом молчаливый Федор остался за спиной. Небезопасно, ну и пусть! Резонно показать налетчикам, что он их не боится. Пусть поймут, что пора расслабиться и переходить к делу.

– Мое имя вы, уважаемый, знаете. Федора вы мне представили. А вас, простите, как звать-величать?

Ювелир с явным удовольствием говорил на русском языке. За последние тридцать лет он больше читал. И не современные детективы, а классику от Пушкина до Чехова. Вероятно, из-за этого в его речи появлялись старорежимные обороты.

Пауза длилась недолго, но томительно. Чувствовалось, что незнакомец не планировал представляться. Он сдвинул брови к переносице и нервно перебирал по столу пальцами, на которых неприятно краснели шрамы – следы недавно выведенных татуировок... Наконец он решился:

– Виктором меня зовут.

– Очень приятно. Знатное имя. Переводится как победитель... И какова цель вашего визита, Виктор?

Пауль Ван Гольд совершенно успокоился. Он понимал, что перед ним сидели бандиты. И если не совсем мафия, то весьма крутые ребята. Но вся их крутизна осталась там, в каких-нибудь Люберцах или в Подольске. Здесь они были явно

не в своей тарелке.

Одним словом, ювелир понял, что бить его не будут.

А Виктор вместо ответа вытащил из внутреннего кармана толстую перьевую ручку, разобрал корпус и высыпал на стол три прозрачных фасолины.

Взяв одну из них, Пауль совершенно успокоился. Сразу стало ясно, что это не стекляшки. И даже не кристаллы горного хрусталя. Это прозрачные искусственные камни, выращенные в каком-нибудь еще живом российском НИИ.

Понятно, что Ван Гольд знал о фианитах. Не то слово! Он пропустил через свои руки тысячи таких камушков. По структуре это алмаз и при хорошей огранке для большинства потребителей он сверкает как натуральный бриллиант. Но глаз даже среднего ювелира по преломлению света может безошибочно отличить подделку. А не очень сложные анализы делают это наверняка.

В данном случае сама форма камней кричала, что это выращенные кристаллы. Однозначно!

Все так, но что-то смущало ювелира. Прежде всего, размеры. Еще никому не удавалось получить такие крупные фианиты или их аналоги. А еще интуиция шептала, что и нутро этих камней не такое, как он себе решил.

– Я так понимаю, Виктор, что вы хотите продать эти камни? Смею заметить – это выращенные кристаллы. Вы, надеюсь, об этом знаете?

– Знаем.

– Они, конечно, ценятся, но на порядок дешевле природных алмазов.

– Да не хотим мы их продавать! Не про бабки базар. У меня дома ведро таких стекляшек. Вся фишка в том, что это... ноу-хау.

– Простите, Виктор, это в каком смысле?

– В прямом... Есть у нас один ботаник. Он за месяц бочку этих камушков может наклепать. Мы его чуть прижали, и он раскололся. Говорит, что это не то, что раньше. Это, мол, алмазы в натуре. Говорит, что сам изобрел способ... Ноу-хау, одним словом.

Пауль взял лупу, подошел к окну и в лучах заходящего солнца еще раз взглянул на кристаллы... А чем черт не шутит! Сидит где-нибудь в Туле или в Дубне современный Левша и ломает законы физики. Немцу нужна инструкция, а эти творят через авось... Гениальность не в уме, а в душе. А у русских эта штука широка, глубока и сумбурна.

– Я понял вас, Виктор. Пока ничего не могу сказать, но сам срочно сделаю огранку этих камней, проведу оценку и попрошу других специалистов...

– Только, Паша, без лишнего трепя! Ни слова о нас и о нашем ботанике... И без финтов! У нас в этом Амстердаме всё схвачено.

– Я понял, Виктор. Это ваша коммерческая тайна, а тайны я умею хранить... Завтра же я начну работать. Сделаю перстень и еще что-нибудь. Но если все эксперты определят, что это искусственные алмазы?

– Тогда мы удавим своего ботаника. А если ты нас, Паша, обманешь, то удавим тебя... Ты водки обещал, господин Гольдман. Наливай! И не бойсь. Если все сложится, то через год мы купим с потрохами весь этот Амстердам. А тебя делаем губернатором...

Две недели пролетели для Ван Гольда как кошмарный сон. Три перстня с большими бриллиантами-горошинами прошли все возможные экспертизы. По срочному заказу Пауля восемь его коллег обсасывали камни со всех сторон, щупали, смотрели под микроскопом, просвечивали лазером, прослушивали ультразвуком, делали спектральный анализ. Все сходились в одном – это бриллианты чистейшей воды. Спорили только о происхождении алмазных приисков. Где добыто такое чудо? Намибия, Урал, Якутия?

Коллеги расспрашивали Ван Гольда, но не очень настойчиво. В их среде лишнее любопытство не поощрялось. Очень часто ювелиры хранили не свои тайны.

Но и сам Пауль ничего не знал о месте рождения алмазов. Он знал главное – их не нашли. Их сделали! А где... Где, где? В Вологде! Или в Туле, Рязани, Мытищах. В Караганде, в конце концов...

Звонок Винсента раздался ровно в полдень. Секунда в секунду!

Пауль бросился открывать дверь. Беседа предстояла нешуточная. Рискованный разговор. На карту ставилась Мировая Экономическая Система. Ее стабильность или ее крах...

Почему Ван Гольд выбрал Винсента? По наитию и по трезвому расчету... Хороший ювелир – всегда психолог. Любой покупатель, любой клиент при виде кучи золотых побрякушек, опьяненный блеском бриллиантов, раскрывается, как под гипнозом. Все нутро вылезает наружу. Жадность, благородство, глупость, жуликоватость. Долгие годы, наблюдая за этим душевным стриптизом, поневоле станешь психологом.

Почему выбор пал на Винсента? По многим причинам!

Пауль знал этого шустрого парня почти два года. Возраст Винсента определить было трудно – где-то от тридцати до сорока. Деловитый, честный трудяга, который постоянно проживал в Москве, а в Амстердаме бывал наездами. Пять, а то и десять раз в году. И каждый его приезд начинался с визита к Ван Гольду. Он приезжал с подарками и с постоянной улыбкой. Как к отцу родному!

Пауль понимал, что Винсент имеет и прямую выгоду от встреч с ним. Но деловые вопросы решались ненавязчиво, мимоходом, а на первый план выходило духовное, почти родственное общение... Своих детей у Пауля не было, а Винсент

так подходил на место сына.

Винсент вошел в кабинет со своей неизменной улыбкой. Это было его приметой, его отличительной чертой. Он улыбался всегда, независимо от своего настроения и темы разговора. Но это не была маска теледиктора или ухмылка шута. Он излучал добродушие и искреннюю любовь ко всем.

– Я так волнуюсь, господин Ван Гольд. Когда вы приглашали меня, у вас был очень взволнованный голос.

– Я очень прошу, Винсент, с сегодняшнего дня называй меня по имени. Просто Пауль. Договорились?

– Конечно, Пауль. Я очень ценю нашу дружбу.

– А я отношусь к тебе как к сыну... Но это лирика. Я готов доверить тебе огромную тайну. Только поклянись, что...

– Клянусь!

– Отлично, Винсент. Я коротко опишу тебе суть дела, а потом подробности... Ко мне приходили двое русских. Молодые, крепкие ребята с бандитскими лицами. Они привезли три алмаза. Очевидно, что искусственные, но все эксперты подтверждают их натуральность. И я в том числе, хотя я-то наверняка знаю, что они выращенные.

– И кто их сделал? Какой-нибудь институт в Москве?

– Нет, Винсент! Это ученый-одиночка. Причем не физик, а ботаник.

– Не может быть!

– Точно, Винсент. Я и сам был удивлен. Но когда бандиты

пришли во второй раз, я попытался уточнить специальность изобретателя. Виктор четко сказал, что деталей не знает, но этот человек ботаник.

– Понятно... Ваш русский язык, Пауль, очень устарел. Ботаниками сейчас называют школьных зубрил, отличников в толстых очках. Да и студентов или ученых, которых ничего кроме науки не интересует. Так что этот тип может быть и физиком, и геологом, но для них он ботаник... А много народа знает об этом изобретении?

– Очень мало! Они проговорились, что их всего трое. Один сторожил ботаника, а двое приехали ко мне. И еще есть женщина, которая будет перевозить алмазы.

– Куда?

– Из России ко мне... Они готовы расширить производство и завалить этими камнями всю Европу, весь мир. Ты представляешь, Винсент, что произойдет?

Винсент ответил не сразу. Он встал и подошел к окну. Там внизу шумела торговая улица Дамарк. За туристами гонялись торгошаи-коробейники, сплошь лица кавказской национальности: турки, алжирцы, ливанцы. Даже их затронет предстоящая катастрофа. Но это мелочь. Этой мелюзге нечего терять, кроме богатых покупателей... Пострадают страны, фирмы и лица, которые держат свои сбережения в драгоценностях. Начнется паника, хаос, валютная лихорадка и череда разорений, банкротств, самоубийств. А в первую очередь

ураган накроет таких, как Ван Гольд – ювелиров.

Это будет та самая мутная вода, в которой никто рыбку не поймает...

– Я все понял, Пауль. Теперь давайте подробности... Кто эта женщина, что будет перевозить алмазы?

– Она гид турфирмы. Зовут ее Ольга. Ольга Сергеевна Сытина. Через неделю она привезет партию в десять штук. Через месяц еще столько же... Мне это дорого стоило, но я узнал, что Ольга уже в Европе. Их автобус сейчас в Брюсселе. Завтра утром они в Париже. Потом Кельн, Антверпен и в конце к нам... Лети в Париж, Винсент. С твоей улыбкой ты все от неё узнаешь... Через Ольгу выходишь на бандитов. Через них на ботаника. И о каждом шаге информируешь меня. Вместе решим, как предотвратить катастрофу. Можно перекупить ботаника и украсть его. Можно получить всю документацию, а самого изобретателя устранить... Но это в крайнем случае! Я не терплю крови.

Глава 1

Человек ко всему привыкает. Даже к коммунальной квартире. Особенно, если она в огромном старом доме в центре легендарного Арбата. Если при этом ты творческая личность, то к тебе приходит вдохновение только от мысли, что когда-то в стародавние времена по соседним переулочкам толпами бродили великие люди... Верочка Заботина была актрисой. Не звездой, не на первых ролях, но и не в массовке. После окончания Щуки ее пригласили сразу в три театра, но нигде не давали жилья. Два директора с жаром обещали квартиру, а третий прямо сказал, что никто ей ничего не даст, не те времена! Но помочь заработать на квартиру этот третий обещал. Вот к этому честному директору, вернее, к главному режиссеру маленького театра Верочка и пошла работать.

Семен Маркович не обманул. Он всем своим актерам давал подработать. Понятно, что не без пользы для себя, но все достаточно честно.

За пять лет Верочка на новогодних елках переиграла весь зверинец. Была она зайчиком, была ежиком, щенком, слоненком, один раз Чебурашкой и трижды Бабой Ягой... Зимний праздник для актера самый денежный, но он, к сожалению, он только раз в году. В том смысле, что не более двадцати дней: конец декабря и начало января. В остальное вре-

мя режиссер пропихивал сборные выездные концерты для новых русских. Это была такая мешанина из дикого юмора, фривольных опереточных плясок и душещипательных бластных песенок под гитару. Это мало кому из актеров нравилось, но уж больно щедро платили заказчики.

Фактически деньги на квартиру дала Верочке реклама. Всего-то три ролика: про пиво, про мазь для гладкой кожи и про колготки. Но после них уже можно было выбирать: или хорошая «однушка», где-то в Митино на Куличках, или комнатка в квартире на Арбате.

Все решил романтический пустяк: из окошка своей будущей обители Вера увидела домик, где Пушкин и его Натали провели первую брачную ночь. Все сомнения сразу были отброшены. На второй план отошли и задымленная кухня с нагромождением шкафчиков, плит, холодильников, и громкая многодетная семья за стеной, и график посещения ванной, и будущий сосед-алкоголик, собирающий у себя компании единомышленников. Это все суета. А домик, где любил Пушкин главное всего. Пушкин – он и в Африке Пушкин. Он наше все!

Так думала Верочка пять лет назад. В чем-то она ошибалась. Но комнатку свою за это время обустроила и полюбила. А с соседями ладила и не ругалась. Так было до событий, которые начались месяц назад.

Субботним утром их коммуналку посетил шустрый малый, который заявил, что он риэлтор и поэтому хочет всех

осчастливить. Риэлтор со звучным именем Аркадий сообщил, что есть покупатель на их квартиру, а значит всем будет куплено жилье. Понятно, что не хоромы, что не в Центре, но в любом случае отдельная чистенькая квартира со своим личным туалетом. И все обитатели Арбатской слободки радостно согласились. Все, кроме Веры. Ей просто нравился вид из ее окна, и она не хотела ничего менять. При этом она активно не возражала, а ее молчание приняли за согласие. С этого все и началось...

Актеры просыпаются поздно. Около десяти утра кто-то нетерпеливо забарабанил в ее дверь. Вставать не хотелось, но другого выхода не было – в коридоре назревал скандал.

Накинув халатик, Верочка подошла к двери, обреченно посмотрела на нее и открыла. В тесном полутемном пространстве столпились все соседи. За ними виднелся ехидный риэлтор Аркадий. Всем своим видом он показывал, что в схватку ввязываться не намерен, но в победе уверен.

И действительно – настроение у обитателей коммуналки было боевое. Они пока сдерживались, пропуская вперед выбранного переговорщика – умудренного жизнью и лагерным сроком Бориса Израилевича.

– Вы, уважаемая Верочка, нам такую подлянку устроили, что все мы тут в полном кошмаре. Лично я все нервы себе истрепал. Вы, Вера, аферистка и фуфлыжница!

– Зря вы так, Борис Израилевич. Я ничего такого нечест-

ного не делала. Просто я не хочу отсюда уезжать.

– Нет, вы посмотрите на нее! Она не хочет. Все хотят, а она не хочет! А мы должны при тебе оставаться? Ты понимаешь, дура, что покупатель берет всю квартиру. И Аркадий уже начал работать. Вася наш уже переехал в Зюзино. Все, процесс пошел. И ты на пути его не становись! А то мы тебе такой рай в шалаше устроим...

Эта последняя фраза была, вероятно, сигналом, после которого все стали орать и угрожающе размахивать конечностями. Из всего крика Верочка поняла, что, если она не согласится переехать в какое-нибудь Бутово, то ей грозит масса неприятностей. Самое понятное это «цемент в ее кастрюлю» и перекрытие доступа в туалет. Остальные угрозы и пожелания более страшные, но менее выполнимые. На уровне – «чтоб тебе пусто было».

Верочка собралась заплакать, но передумала. Она поняла, что именно этого они и ждут от нее – ждут слабости, раскаяния и полной сдачи позиций. Особенно ей было неприятно, что ее слезы увидит красавчик Аркадий. Он, конечно, не в ее вкусе, но все же мужчина и близок по возрасту, где-то недалеко за тридцать.

Собрав остатки деликатности, Верочка пробормотала: «Простите, я очень занята сейчас» и закрыла дверь. Не захлопнула перед мордами соседей, а с милой улыбкой прикрыла, как нормальный интеллигентный человек. Столь

неожиданная реакция Верочки ошеломила соседей, и они временно приумолкли...

Вера Заботина была занята в трех спектаклях. Сегодня был не ее день. Но именно сегодня Семен Маркович проводил генеральную репетицию нового спектакля, который вполне мог стать шедевром. И впервые Верочке светила главная роль. Практически она уже была у нее в кармане. Второй на эту роль пробовалась Марианна, но все видели, что Машка откровенно халтурит. И это вообще не ее роль. Нельзя играть нежное создание с такими наглыми глазами.

Репетиция прошла блестяще. Утренняя склока только пошла Верочке на пользу. По ходу действия героиня много переживала, жаловалась на судьбу и даже рыдала. И стоило только Вере представить соседские лица, то слезы лились сами собой. Она плакала в натуре. В том смысле, что играла она очень натурально. Даже гениально. Но...

Семен Маркович в общих словах похвалил всех и сообщил, что по некоторым актерам и, особенно, по актрисам у него есть сомнения. Одним словом, состав на премьеру он обещал обнародовать завтра.

Верочка уже собиралась уходить, когда возле гримерки ее заловил взволнованный режиссер:

– Вот что, Верунчик, ты зайди ко мне в кабинет через полчаса. Ровно в пять. Обсудим твои перспективы... Если все хорошо пройдет, то сразу отметим твое назначение на роль.

А это для тебя трамплин в известность. После этой роли ты у нас звездой станешь... Зайдешь?

– Зайду.

– Вот и хорошо. Только никому о нашей встрече говорить не надо... Уверен, что все у нас будет хорошо.

Верочка не была невинной девочкой и прекрасно поняла намеки Семена Марковича. Но она очень надеялась, что все обойдется, что все закончится на уровне страстных обещаний. Ну, коленку погладит, потискает чуть-чуть, в щечку поцелует и все. И откроет ей дорогу к звездам... Но Верочка очень ошибалась. Плохо она знала мужчин. Да и откуда? За всю жизнь не больше пяти страстных, но очень кратковременных романов. И кроме последнего все актеры, а по ним душу мужскую не понять. У артистов душа, как слоеный пирог – часть от папы с мамой, что-то из детства, а основная начинка от ролей, от других людей, от чужих переживаний, чужой жизни, любви, смерти.

Последний роман Верочки оказался самым продолжительным. Он длился почти четыре месяца. Лев Бармин был чиновником среднего уровня. Достаточно молодой, ласковый, с приятными манерами и квартирой в Центре. Вера очень надеялась, что их отношения будут развиваться до логического конца. Но тут-то и возникла загвоздка. На самом приятном моменте все застопорилось, зависло.

Все лето они встречались еженедельно по средам и суб-

ботам. Сначала шла прогулка, потом ужин со свечами, два-три медленных танца и постель. А по утрам – чашечка кофе и нежное прощание. Все не просто хорошо или отлично, а просто волшебно. Но с каждой встречей романтическое волшебство стало надоедать. Сама Вера не могла первой начать разговор о любви, а тем более о свадьбе-женитьбе. Не то у нее воспитание. А Бармин ловко уклонялся от серьезных вопросов. Чиновники это хорошо умеют: ни да, ни нет не говорить, ничего не обещать, но оставлять о себе самое приятное впечатление. Конечно, Верочке было приятно слышать постоянное воркование своего любимого Льва: «У тебя очень красивые глаза. Они бездонные. Хочется нырнуть в них и раствориться навсегда. Мне так хорошо с тобой...» Красиво сказано! Чистый Шекспир. Но Верочке очень хотелось услышать другое, попроще, но самое важное: «Я тебя люблю. Давай поженимся».

Актриса Заботина не была невинной девушкой, но она была очень романтической женщиной, доверчивой и наивной. Она верила, что скоро ее Левушка соберется с духом и купит обручальные кольца. Она надеялась, что добрый лысеющий режиссер не будет сегодня настаивать на близости как плате за главную роль. Она же не продажная женщина. Тем более, что сегодня среда – день свидания с её любимым Львом...

В глазах режиссера Вера увидела нетерпеливое предвкушение. Он смотрел на нее буквально как кот на сметану. Да

и в том, как быстро была заперта дверь кабинета, был явный намек. Прямая и явная угроза.

На приставном столике стояло шампанское, пара фужеров и начатая коробка конфет. Но Семен Маркович решил повременить с банкетом. Он сразу увлек гостью на диван, усадил ее в дальний угол и сам устроился рядышком, прижимаясь и воркуя. Он действительно не говорил, а томно шептал, играя страсть. Впрочем, и без игры он очень хотел ее тела. И чем больше замечал ее нежелание, тем больше хотел... Жажда нас одолевает именно в тот момент, когда нам не дают пить.

– За столько лет, Верочка, мы в первый раз наедине. Ты почему ко мне раньше не приходила?

– Так вы, Семен Маркович, все время заняты были. То вы с Наденькой, то с Марианной.

– Ревнуешь! Это хорошо, значит и в тебе страсть проснулась... Но за столько лет могла выкроить пару часиков и поговорить по душам, поблагодарить. Я же столько для тебя сделал.

– А я добро помню, Семен Маркович. И благодарила много раз.

– Но это все на словах. Теперь, Верочка, пора к делу переходить.

И крепкая рука режиссера легла на колено актрисы, прошлась по бедру и застыла на ремне джинсов. Он никогда не любил женщин в брюках. Очень много мороки. Но сегодня

выбирать не приходилось.

Верочка не ожидала, что все будет развиваться так стремительно. Она думала, Семен Маркович, как опытный ловелас, начнет с прелюдии, будет уговаривать, соблазнять. В ходе шуточного разговора можно было отговориться, отделаться поцелуями в щечку, наобещать на будущее с три короба. Но этот лысый маньяк полез на нее как лось.

Это уже переходило все границы. Еще час назад она допускала, что сможет любимому режиссеру кое-что позволить. Не все, но многое. А сейчас ей стало скучно и противно. Если бы не новая роль, она дала бы в лоб этому гнусному старикану. Врезала и сказала бы при этом пару ласковых слов. Но очень хочется сыграть, получить известность, стать звездой. Вот и приходится выкручиваться.

– Вы такой стремительный, Семен Маркович. Вы меня просто ошеломили.

– Так я этого и хотел.

– Но у вас же жена такая милая.

– Жена дома. И она... для других целей. Не надо разговоров, Верочка, давай к делу.

– Но сегодня я не очень готова. Мне не хочется...

– А роль главную тебе хочется?

– Хочется.

– Так вот, если не будешь послушной, я роль Марианне отдам. Она давно говорит, что ты народ против меня настраиваешь, козни всякие строишь... Ты пойми, Верочка, что это

театр. У него вековые традиции. Режиссер всегда имел право первой ночи.

– Так вы вроде феодала, а я ваша крепостная актриса?

– Что-то вроде того. А ты раньше об этом не слышала?

– Слышала, но не верила. Думала, что сплетни про вас распускают... Но хоть я и крепостная, но встать мне все равно надо. В джинсах такие дела не делаются.

Семен Маркович довольно улыбнулся и подвинулся, выпуская Веру на свободу. Он поверил ей безоговорочно. До сих пор ни одна актриса ему не отказала. Так почему будет кочевряжиться эта – не самая красивая и без крутого спонсора.

Выскочив на середину кабинета, Верочка оценила обстановку. Ключ на краю письменного стола. Не далеко, но и не близко. Надо протискиваться мимо шкафов, отодвигая стулья. А потом дрожащими руками надо будет попасть в замочную скважину... Нет, не годится. Семен успеет ее перехватить. Начнется борьба, возможны даже увечья, если ей придется царапаться или применить удар коленом ниже пояса. И вот тогда ей точно не видать новой роли. Надо попытаться превратить все в шутку. Отшутиться и пообещать вечную любовь, но в следующий раз.

Верочка схватила с приставного столика бутылку шампанского и, потрясая ей над головой, торжествующе закричала:

– Сначала будем пить! Так положено. Сперва банкет, а потом свадьба.

– Какая свадьба? Ты, Верочка, время не тьяни. Быстренько пообщаемся ко всеобщему удовольствию и разбежимся. Тебе к премьерe надо готовиться, а у меня спектакль через час... Не зли меня!

Семен Маркович встал и начал угрожающе надвигаться на свою жертву.

Последняя для Веры попытка превратить все в милый флирт получилась немного истерической:

– Ой, Семен Маркович, я вас боюсь. Вы мужчина темпераментный, но не будете же вы меня насиловать. Мне приходится защищаться.

Считая это шуткой, Верочка направила на приближающегося режиссера горлышко бутылки и стала отворачивать проволочку... Почти все современное шампанское невозможно вскрыть. Пробки не хотят не только вылетать, но и вытаскиваться. А это было теплым, разболтанным, а главное – настоящим. Неудачливый любовник не поспешил!

Выстрел прогремел неожиданно, и Вера не промахнулась. Трудно не попасть с двух метров. Пробка ударила не в бровь, не в глаз, а чуть пониже – в верхнюю часть щеки. Самое удачное место для мощного синяка под глазом.

Из бутылки стала вырываться пенная струя, и это очень

развеселило Верочку. Она вспомнила спортсменов-победителей, которые на пьедестале поливают друг друга шампанским. И она начала поливать режиссера. Сначала лысину, потом ладонь, прикрывающую подбитый глаз, потом толстую шею, потом ниже, еще ниже...

Только выбегая из театра, она поняла, что у нее теперь нет и новой роли, и работы вообще. И комнатки на Арбате тоже не будет. Теперь у нее остался только один он, ее Левушка...

* * *

Сегодня первый раз, провожая домой, он вел ее не по широким улицам, а по переулочкам и проходным дворам. Он объяснил это тем, что боится встретить ее мужа. Не за себя боится, а за нее. А еще он намекнул, что по дороге в пустынных московских двориках они смогут обниматься и целоваться до последних минут свидания... Он видел, что ей это понравилось. А какой женщине не нравится, когда ее хотят?

Для решения вопроса у него оставалось не больше недели. Дело можно было сделать или сегодня, или через день, или, в крайнем случае, через пять дней в понедельник.

Он уже получил от нее все, что хотел. Еще тогда, в Париже он ни на минуту не сомневался в успехе. К тридцати пяти годам он совершенно уверовал в свою неотразимость. Было в его облике нечто демоническое. Гордо расправленные пле-

чи, постоянная улыбка, загадочный и чуть игривый взгляд. И не только это. Еще и уверенность в себе, щедрость, завораживающий голос и умение говорить то, что хочет слышать сейчас именно эта женщина...

Ольга сдалась на третий день. Она отправила всю группу на самостоятельную прогулку по Парижу. Сделала она это за обедом в гостиничном ресторане. И он, сидящий за отдельным столиком, должен был слышать, что туристы могут из города звонить ей в номер, где она весь вечер будет готовиться к завтрашней поездке в Версаль.

Сначала она боялась, что он придет. Потом хотела, чтоб он пришел. А через час испугалась, что он не придет... Но он пришел. С огромным букетом парижских гвоздик, с бутылкой Мадам Клико и с коробочкой дорожных конфет.

Ольга была готова к стремительному развитию сюжета, но улыбчивый ювелир по имени Арсений оказался скромнягой. Больше часа они потягивали шампанское, болтали о всяких пустяках, соревновались в комплиментах друг другу. И за все это время он не только не покусился на ее женскую честь, но не сделал даже попытки робкого поцелуя.

В какой-то момент ей стало страшно, что она не интересуется его, как женщина. От этой дикой мысли в голове начался сумбур и от обиды она заплакала.

Только после этого Арсений приблизился к ней, приласкал, растер ладонью ее слезы, поднял и понес к кровати...

Сегодня у него был с собой нож, а это не самая удачная штука. Опыта в этих делах у него нет. Да и рука может дрогнуть. С первого удара не получится проблему решить. А это лишняя кровь, возможные улики, да и вообще как-то неприятно, грязно... Надо непременно добыть пистолет. И еще надо организовать алиби. Об их связи никто не знает, но если шустрый сыщик выйдет на него, то алиби не помешает. Надо только подобрать крепкое, железное алиби...

В одном из проходных дворов их чуть не сбила молодая женщина, которая стремительно выскочила из служебного входа маленького театра.

– Милый, ты посмотри на нее. Растрепанная лахудра, а шампанским за версту разит.

– Так она из театрального подъезда выбежала. Там сплошь одна богема. А у них так принято.

Он успел обратить внимание, что ошампаненная девушка взволнована, но не пьяна. И что она совсем не лахудра, а лохматая милая простушка очень похожая на его спутницу... А еще он понял, что место для акции надо найти на задворках, где нет подъездов, из которых выбегают лишние свидетели... А время должно быть ночное. Не семь вечера, а десять, когда стемнеет.

– Ты о чем сейчас думаешь, милый?

– О тебе.

– Посмотри, какая романтическая лавочка там за кустами.

Они сели и, закрытые от чужих глаз, долго целовались. Он подумал, что это самое удобное место для акции. За деревьями их не видно из окон соседних домов. И рядом ни одного подъезда, откуда может выскочить кто угодно. И с шампанским и без... Он так подумал, но сказал совсем другое:

– Я понял, дорогая, как надо целоваться.

– Как?

– Как в первый и последний раз.

– Ну, как в первый у тебя уже не получится. Попробуй как в последний раз. Как перед смертью.

– Попробую. Но не сегодня...

* * *

Комплексы есть у всех. Они очень разные. Бывают маленькие и смешные. Бывают грозные и злые. И почти никто не оценивает свои заскоки, не сознается в них.

У господина Чуркина все началось много лет назад, когда молоденький пухленький Вася был направлен в стройбат служить Родине. Он выглядел настолько болезненным и хрупким, что местные деды опасались брать его в оборот. Сначала жалели, потом посмеивались, потом шутили и, наконец, дошутились. Трое дедов заволокли его на склад и под непрерывный смех совершили с ним то, что часто происходит в лагерях или тюремных камерах. Но там все происходит

по понятиям, только тех опускают, кто крупно провинился перед народом. А тут просто для куража, для удовольствия от своего всевластия.

Это случилось с ним всего один раз, и он даже не заметил, как сломался. Наоборот, ему показалось, что с того момента он стал более сильным, более мужественным. Он страстно ждал того времени, когда сам станет дедом. В первый же день он соберет кодлу, и они заташат на склад самого слабенького салагу. А на следующий день другого. Потом еще, еще, еще...

Так бы оно и было, но зловредным мечтаниям рядового Чуркина не суждено было сбыться. Не сложилось у Васи! К концу первого года службы его комиссовали по болезни. И он вернулся в Москву со сдвигом по фазе, с комплексом дедовщины. Ему все время хотелось найти кого-нибудь слабее себя и унижить, поиздеваться. И сделать это побольнее, пусть даже не тем способом, как с ним тогда на складе...

Поиск объектов для травли стал для Василия не развлечением, а потребностью. Без этого он становился раздражительным и смурным, как алкоголик без очередного стакана.

В первое время мальчики для битья находились с трудом. Но после сорока лет Вася стал оперяться и постепенно превратился в господина Чуркина. Бизнес он выбрал прибыльный, хотя и не очень в нем разбирался. Василий Иванович начал торговать ювелиркой. Сначала держал лавочку, потом магазинчик, а сейчас он стал хозяином сети бутиков в центре

Москвы. Появились и свои клиенты, которые при виде красивой вещицы спрашивали не «Сколько стоит?», а «Сколько платить?»

Но больше всего Чуркина радовало то, что у него появилось более сотни подчиненных, а значит зависимых от него людей, каждый из которых периодически получал от грозного шефа свою порцию страха и нервотрепки... Бывали еще и временные подчиненные, как этот риэлтор Аркадий. Сладкий красавчик. Ему бы цветочную фамилию, а он – Зверев. Ему бы мышей ловить, а он опять с Арбатской квартирой затягивает.

Аркадий стоял перед хозяином кабинета с понурой головой. Вся сцена напоминала картину, где царь Петр допрашивает своего провинившегося сына, царевича Алексея. Только вот располневший и низенький Вася Чуркин не очень походил на монарха. Но его кабинет по роскоши вполне соответствовал царскому, а риэлтор мог сойти за непутевого Петровича.

– Молчишь, Аркадий? Нечего сказать? Это уже хорошо. Значит понимаешь, что виноват. Значит понимаешь, что после одного моего слова ты не только денег не получишь, но вообще вылетишь из своей уютной конторы. С волчьим билетом вылетишь! Уж я постараюсь... Ты когда должен отселение завершить?

– Через неделю.

– А у тебя там конь валялся?

– Не валялся...Вернее, не в полной мере. Одного я уже отселил. Остальные посмотрели предложенные квартиры и согласны выехать.

– Все?

– Почти все. Только одна артистка носом крутит.

– Квартира не подходит? Маленькая? Или далеко предложил?

– Да она дура и вообще не хочет никуда ехать! Вернее, согласна, но чтоб здесь на Арбате и чтоб тот же вид из окна был. А где я такой вариант срочно найду?

– Странно...А что у нее там за окном?

– Да ерунда там, Василий Иванович. Там двухэтажка неприметная. Эта артистка говорит, что в том домике Пушкин первый раз свою жену...использовал. Брачная ночь у них была.

– Ну и что? Мало ли кто кого и где...Но ты меня заинтриговал. Мне теперь только эта квартира нужна. Буду гостям из окна тот домик показывать. Пусть обзавидуются...Значит так, Аркаша. Убивать тебя за задержку я пока не буду. Но ты срочно убери эту артистку. Доплату предложи к квартире, уговори, обмани, напугай...Эта арбатская хата мне теперь позарез нужна...А как у Пушкина жену звали?

– Не помню, Василий Иванович. Мне артистка говорила, но я забыл.

– Серый ты, Аркадий! И кого только в риэлторы набира-

ЮТ...

После ухода риэлтора Василий продолжал мечтать об арбатской квартире... Кабинет у него был действительно царский. Продавая ювелирку, Чуркин счел необходимым применить соответствующую отделку. Офис его сверкал от золотых загогулинок, зеленел малахитом и горел всеми цветами янтаря. Но больше всего он ценил свою комнату отдыха при кабинете. У всех других в ней был стандартный набор для фуршетов: столик, кресла, сервант, бар, холодильник. А у Василия Ивановича это помещение называлось канареечной комнатой. Не в честь обжитых новыми русскими Канарских островов, а в честь проживавшей там птички.

Канареек Чуркин полюбил давно и всей душой. От них одних он не ждал подвоха и подлости. Сколько человека ни корми, он все равно может тебе гадость сделать. А этот желтый комочек – невинное создание. Тварь божья!

Вероятно, все в природе стремится себя уравновесить. Злость Чуркина на людей требовала какого-нибудь объекта для доброты. Тут и подвернулся ему желтый воробей с далеких островов. Правда, поют эти птички действительно громко и ярко, но не душевно. Как-то по-испански. Нашего соловья кенар не перепоеет...

Чуркин обошел все клетки, пошептался с каждой птахой, плюхнулся в кресло и закрыл глаза... Канареечную комнату на Арбате он сделает именно в той комнате, откуда есть хит-

рый вид на дом поэта. То, что Пушкин гений, Чуркин знал еще с детства, но сейчас его многое смущало. Зачем сам себя под пулю подставил, если ты такой умный? Из-за чего? Точно Василий не помнил. Если в карты проигрался, то это причина серьезная. А если жена рога наставила, то нечего беситься. Выгнал бы ее, а тому парню морду набил... Но в любом случае – жалко поэта. Гений! Он и в наше время мог бы хорошо устроиться. На стихах сейчас бабок не срубишь, но стал бы детективы писать. Имя раскрученное, мог бы и Маринину по тиражам обогнать...

* * *

Должность Льва Николаевича Бармина была не очень высокой, но доходной. В своем Округе он определял дома в аварийном состоянии и передавал их частным фирмам для реконструкции. В бумагах все выглядело правильно, но опытный чиновник хорошо знал, что объект у Чистых прудов ценится в три раза дороже, чем такой же почти рядом, но с видом на рельсы и шпалы у Трех вокзалов... Дальнейшее было делом техники. Из желающих получить лакомый кусочек выбиралась самая щедрая фирма и начинались долгие переговоры. Не прямые, а иносказательные. Ни одна сторона не употребляла слов типа «откат, деньги, взятка». Но все понимали по умолчанию, по жестам, по взглядам. Все цифры писались на бумажках, которые сразу сжигались.

Одним словом, Лев Бармин не был бедным человеком. Скорее – наоборот. У него были почти все атрибуты современного богача. Не было особняка в Лондоне и яхты, но был счет в Швейцарском банке, часы от Картье и любовница-актриса. Правда, в последнем его смущала некая условность. Для полновесной любовницы нужна жена, каковой у Бармина не было.

Верочка Заботина устраивала тридцатипятилетнего холостяка во всех отношениях. Он даже любил ее! Но это как человек, а как чиновник... В этом и была маленькая трагедия Бармина. Он не мог себе позволить оставаться на той же ступеньке служебной лестнице. Он должен был двигаться вверх. И не один шагок в пять-семь лет, а на ступеньку ежегодно. А если повезет, то и на две-три!

Бармину повезло... Месяц назад один фирмач в дополнение ко взятке пригласил Льва на дачный банкет. А там был не кто-нибудь, а министр. И был он не с кем-нибудь, а с дочерью лет под тридцать. Она ни разу не была замужем, но в ее взгляде читалось, что она очень этого хочет. А взгляд ее был устремлен исключительно на красавчика по фамилии Бармин.

Их быстренько представили друг другу и хозяин потащил молодую парочку на осмотр беседки в самом дальнем и безлюдном углу огромного участка. Сам фирмач, вдруг вспомнив о делах, моментально испарился, попросив Бармина доставить министерскую дочку к столу, но не раньше, чем че-

рез час.

Беседку как будто специально создавали для тайных свиданий. Она была открыта только к обрывистому берегу реки, а попасть в этот уютный уголок можно лишь по лесенке со скрипучими ступеньками.

Бармин понимал, что их познакомили и поместили в этот загон не случайно. Возможно, что министр предварительно проверил послужной список чиновника, собрал о нем отзывы и счел его достойным этого знакомства. Или даже чего-нибудь большего!

Оставшись наедине с Елизаветой Туркиной взволнованный Лев никак не мог начать разговор. Он злился на фирмача, что тот прошел все белыми нитками. Бедная Лиза может понять, что ее пытаются сосватать. Девочка застесняется, замкнется, да и убежит к папе с мамой.

С реки тянуло прохладой. Лизавета села на удобную глубокую скамейку и поманила к себе Бармина. На первых ее фразах Лев уловил, что она сразу перешла на «ты», чего он никак не мог позволить себе с министерской дочкой.

– Садись поближе и обними... Да не так, а покрепче. Холодно здесь что-то... А ты и правда симпатичный. Мне отец твою фотографию показывал, но в ксерокопии. Там ты больше на чеченца похож.

– Лиза, а зачем ваш папа вам меня показывал?

– Для сведения. Есть, говорит, перспективный парень. При случае он мог бы и агентство возглавить.

– При каком случае?

– При удобном... Ты, Лев, правда не врубаешься или Ваньку валяешь? Мне отец сказал, что ты хваткий. Так давай, действуй!

– В каком смысле?

– В прямом... Производи на меня впечатление, быстренько клейся, соблазняй и все такое... Послушай, Лев, а ты не голубой?

– С чего это вы взяли, Лиза?

– Так отец сказал, что это очень подозрительно. Ну, что ты до тридцати пяти ни разу не женился и что ни разу ни с кем не был замечен... Да и сейчас, я смотрю, ведешь себя слишком робко. Все условия созданы, а ты на меня не западаешь.

– Вы, Лиза, передайте папа, что насчет голубизны он зря сомневается. Я очень даже наоборот... А на вас, Лиза, я сразу запал. И вот сейчас продолжаю западать. Все глубже и глубже...

Последние слова Бармин произнес с чувством и проникновенно. Красиво сказал! И не только потому, что рядом сидела перспектива его служебного взлета. Елизавета и без этого была очень даже ничего. И так она страстно прижималась. А на последних его словах зажмурилась и развернула лицо губами вперед... Выбора она ему не оставляла. Обижать ее было нельзя. Папа мог как приподнять его на несколько ступенек, так и опустить...

Они целовались долго. Бармин даже стал бояться, что ей захочется большего, но вдруг она отвалилась и удовлетворенно хмыкнула:

– Теперь я точно вижу, что ты не голубой. Так на меня набросился. Папа правильно про тебя сказал – решительный и энергичный. А вначале таким робким казался.

– Я боялся, что ты неправильно поймешь... Ты же не была замужем.

– Ой, так ты меня за девушку принял? Умора! Да, была я замужем. Целых три раза. Только без регистрации.

– А почему так?

– Отец не разрешал. Теперь я понимаю, что правильно делал. Первый мой алкоголиком стал. Второй – спортсмен, а последний и того хуже – артист.

– И из какого театра этот артист? Это я так, для любопытства.

– Он из «Глобуса». Герой-любовник по фамилии Фрадкин... Ты только не ревнуй, Лева. И морду ему не бей... Ты вообще ревнивый?

– Очень!

– Это хорошо. Люблю, когда страсти бурлят!

Услышав имя Фрадкина и название театра, Бармин чуть было не рассмеялся. Этот герой играл в одном спектакле с Верочкой Заботиной. Мало того, по ходу действия у него был страстный поцелуй с Верочкиной героиней, а значит и с

ней тоже... Буквально с неделю назад Лев Николаевич устроил по этому поводу если не скандал, то уж точно сцену ревности с легкой истерикой. А сейчас ситуация выглядела просто водевильной.

– Я, Лизочка, очень ревнивый, но ты-то молодец. Очень послушная дочь. Всех неугодных сразу отвергла.

– Они все ненадежные. Отец прямо сказал, что нужен человек, кому он доверяет, кого будет наверх продвигать, кому можно все нажитое оставить.

– А я такой?

– На первый взгляд – да. Но я же еще мало тебя знаю. Все-го час... Завтра родители в Испанию летят, так ты приходи к нам послезавтра. Поближе узнаем друг друга...

Уже при первом знакомстве Бармин хорошо понял Елизавету, почувствовал ее характер. Он и раньше встречал таких и они всегда ему не нравились. Не было в них деликатности, не было утонченной женской души. Все очень грубо, прямолинейно, нахраписто. Но те, другие, не были министерскими дочками...

Весь следующий день Лев Николаевич убеждал себя в том, что вполне может забыть Верочку и полюбить ту, которую он должен полюбить. Любые возражения типа «Сердцу не прикажешь» он категорически перебивал народной мудростью: «Любовь – дело наживное! Стерпится – слюбится».

Направляясь с огромным букетом в министерскую квартиру, Бармин предполагал, что его визит к Елизавете закончится постелью. Но он ошибался. С нее все началось...

А через две недели было то, что раньше называли помолвкой. Было радостное лицо Лизы, благословение ее родителей, скупые слезы будущей тещи и напутствие министра, будущего тестя. В конце торжества он увел Льва в свой кабинет и там наобещал такое, что Бармин даже и ожидать не мог. В эту ночь он долго не мог заснуть от восторга и радужных перспектив.

Неизбежное расставание с Верой Бармин откладывал и откладывал. Каждый раз ему хотелось провести с ней еще одну, последнюю ночь. Но за ней следовала самая последняя, потом еще одна.

Была и другая причина такой нерешительности Бармина. Он очень боялся скандала. Вдруг актриса Заботина взбунтуется, начнет качать права и все это дойдет до министра Туркина... Надо как-то объяснить все Вере, умаслить ее, уговорить. Денег ей дать, в конце концов!

Для последнего разговора Лев приготовил десять тысяч баксов в банковской упаковке... А будет этот разговор сегодня! Дальше тянуть невозможно – свадьба на носу... Нет, не сегодня, а завтра утром. Серьезные разговоры нельзя затевать на ночь глядя.

Выбегая из театра, Верочка надеялась, что не все потеряно. Все, что произошло, это не трагедия, а хороший повод для открытого разговора с Левушкой. Он все поймет, он пожалеет ее и позовет замуж. Она подумает минутку и согласится. И тогда можно гордо уйти из театра и даже громко хлопнуть дверью перед носом похотливого Семена Марковича. Перед его носом и подбитым глазом... Комнатку на Арбате можно продать. И соседи порадуются, и красавчик Аркадий будет доволен. А на эти деньги можно с Левушкой в свадебное путешествие. В круиз вокруг Европы. И обязательно на огромном белом пароходе... Но это, если он позовет замуж. А если не решится? Или вообще не хочет жениться... Нет, такого не может быть!

Верочка сразу решила, что обо всех своих бедах она скажет утром. Левушка так трепетно относится к сексу, что неправильно его волновать до того. А уж утром, когда она принесет ему кофе в постель, она расплачется и поведаст о своих бедах... До утра надо терпеть и вжиться в роль счастливой женщины. Дело знакомое. Все по системе Станиславского.

Утром у обоих были необычно взволнованные лица. Каждый ждал момента для начала разговора.

Верочка не выдержала, расплакалась и торопливо выложила все. И об Арбате, на котором ей уже не жить, и про новую роль, которая накрылась медным тазом, и о поползновениях театрального гения, и о летящей в него пробке...

– Ты, Вера, так неосторожна. Ты же могла его покалечить. Вплоть до уголовного дела... Ты точно ему глаз не выбила?

– Нет, глаз у него целый. Только синяк под ним огромный... Синяк это ерунда. Он заживет. А вот я все потеряла, Левушка. Все, кроме тебя.

Она замолчала и стала выдерживать паузу. Это были самые напряженные секунды ее жизни. Вот сейчас он посмотрит на нее своим добрым, ласковым взглядом, ободрит, скажет о своей любви и позовет...

– Неудачно так все складывается. Все на тебя именно сегодня навалилось. А я, Верочка, планировал очень важный разговор.

– Я очень рада. Слушаю тебя, Левушка.

– Боюсь, что скажу сейчас не совсем то, что ты хочешь услышать... Я уже не мальчик. В моем возрасте и на более высоких должностях сидят. А я застрял. И вот у меня появился шанс резко рвануть вверх... Короче, я полюбил другую женщину.

– Что? Я не совсем поняла. Ты о должности своей говорил, а потом... Полюбил другую? А как же я?

– Я действительно говорю очень сумбурно. Волнуюсь... Мне с тобой было очень хорошо. Возможно, ни с кем больше так не будет. Но это все для души, для удовольствия. А работа, она для жизни нужна. И вот по жизни я выбрал не тебя, а другую... Сама подумай, Верочка, что ты мне можешь дать?

– Любовь...

– Нет, мы просто на разных языках говорим! Любовь, это важно но это дело наживное. Раньше я любил тебя, а теперь люблю другую. Потом еще кого-нибудь полюблю. А вот случая стать начальником департамента у меня может не быть никогда.

– Ты, Левушка, первый раз сказал, что любил меня. Раньше ты об этом молчал.

– А чего теперь скрывать. Дело-то прошлое... Я так рад, Вера, у тебя нет истерики. Значит ты все понимаешь и согласна со мной... Я вот тут тебе деньги приготовил. Тебе же трудно будет сейчас без работы. И без меня... Возьми, здесь десять тысяч.

Она посмотрела на него отсутствующим взглядом и стала торопливо одеваться. Еще час назад она могла и голая перед ним стоять. Но тогда это был свой, родной, ближе некуда. И вдруг стал чужой, посторонний мужчина, перед которым неудобно даже в халатике... Он зря похвалил ее насчет истерики. Она была на грани...

А он в это время старался понять: берет она деньги или

нет... Если берет, то жалко. Не берет – опасно.

На всякий случай он засунул банковскую упаковку в ее сумочку, но она этого и не заметила. Она вообще выглядела очень рассеянной. Ушла и даже не поцеловала на прощание. Обиделась, может быть...

Верочке удалось пробраться в свою комнату незамеченной соседями. Только здесь, вытряхивая из сумки все свое, привезенное с квартиры господина Бармина, она обнаружила пачку долларов. Это были очень обидные деньги. Практически – плата за любовь.

В красивом порыве актриса Заботина распахнула окно, сорвала с долларовой пачки полоски банковской упаковки, распушила купюры, размахнулась и замерла... Был бы перед ней зрительный зал, она бы непременно швырнула эти грязные деньги. Но проводить такую сцену без публики смешно, глупо и расточительно.

Тут ей на глаза попалась резинка, купюры сами собой сложились и были перетянуты в пачку не хуже банковской.

А еще Верочка вспомнила о своей мечте: надолго уехать из суетной Москвы и поселиться в маленьком домике на берегу Оки. Где-нибудь около Коломны.

Мечта эта тянулась за ней из детства, но никогда не была так реальна. Раньше перед ней все время стояла какая-нибудь цель: поступить в театральный, закончить его, накопить на квартиру, получить роль в театре, выйти замуж за этого

бездушного Льва... Сейчас все эти цели испарились, а новых еще не появилось. Ни одной, кроме домика на Оке. И эта увесистая пачка американских денег придавала этой идее вполне реальные черты.

Сборы были недолги... Через час Верочка сидела в электричке, которая шла до Коломны.

* * *

Сегодня он опять провожал ее, но без нервозности. Завтра Ольга едет с туристами в Европу. Значит у него есть время подготовиться к акции... Так удачно, что у него в голове засело это красивое слово: не убийство, а акция.

Теперь все можно делать без суеты и спешки.

Алиби он себе почти подготовил. Заказал на три дня гостиничный номер в Суздале. Туда он часто ездил по делам. Теперь надо заехать пораньше, засветиться, в день икс смотреть на машине в Москву, провести акцию и к ночи вернуться в старинный русский город.

Пистолет у него тоже почти в кармане. Трудности будут, но небольшие.

А место акции он выбрал давно. Это глухой двор рядом с переулком Сивцев Вражек. В первый момент он испугался столь странного названия. Хорошее ли место для акции? Что-то в этом имени свистящее, что-то вражеское. Но потом он сообразил, что сивый это, возможно, старый, седой и глу-

пый, как тот сивый мерин. А от второго слова просто отлетела когда-то первая буква «О». И из страшного названия получилось простое: Старый Овражек. Вполне подходящее место для того, что он задумал.

– Дорогой, давай пойдем в тот дворик. Там чудесная лавочка в глубине двора за деревьями. Помнишь, мы на ней целовались?

– Конечно помню. И, правда – замечательная лавочка. Пойдем...

Это он так сказал ей. А подумал он совсем другое: «Дура ты, дура! Куда тебя тянет? Именно на этой лавочке через неделю я тебя убью»...

– Я в тебя влюбилась не с первого раза. Знаешь когда?

– Знаю! Со второго раза.

– Да. Сразу как ты назвал свое имя. Арсений – это так волшебно звучит... А француженкам или голландкам тоже нравилось твое имя?

– Не знаю... Для них я был Винсент.

Глава 2

Электричка долго пробиралась по большой Москве. И справа, и слева тянулись городские кварталы. Пусть не их фасады, пусть оно были вдали, за гаражами, складами и посадками тополей, но от этого ощущение города не пропадало.

Только через час за окнами замелькали дачные домики, поля и настоящий лес. Верочка давно не видела такого натурального соснового бора с подлеском из рябины и непонятных кустов с красноватыми листьями.

В суматошной московской жизни забывается, что где-то есть тишина, нарушаемая только неведомыми птичками и кузнечиками, что есть огромные пространства без асфальта... Верочка за все эти годы раз двадцать покидала Москву. Но все это были гастрольные поездки по соседним городам. До места добирались в галдящих автобусах, забитых театральными костюмами и прочим реквизитом. Тут уж не до леса за окном, не до птичек.

В какой-то момент Верочке показалось, что она покинула Москву навсегда. Не на неделю, не на месяц, не на год, а навечно!

И эта мысль ее не расстроила, а обрадовала. В столице не осталось никого, с кем ей хотелось бы общаться постоянно. Было много приятелей, но не было друзей. Был любимый че-

ловек, но только до сегодняшнего утра...

Садясь в электричку, Верочка решила проявить характер и приказала себе не вспоминать о гражданине Бармине. Кто он такой, в самом деле? Симпатичная внешность, но не более того. Что еще? Достаточно богатый? Так не в деньгах счастье... А в чем счастье?

Весь путь до Коломны Верочка думала об этом. Не о Бармине, а о его недостатках, которых она раньше не видела потому, что была влюблена. А теперь она разлюбила, и розовые очки слетели с глаз. Теперь она точно видит, что ее Лев – он вовсе не лев, а нашкодивший котенок.

Несколько месяцев назад он присосался к ней потому, что она постоянно его гладила и кормила сладкой сметаной. И этот котяра мурлыкал и делал вид, что любит навсегда. Но тут появилась другая со связкой свежих окуньков. Достаточный для кота повод сменить хозяйку! Просто Бармин любил не женщину, а то, что она может ему дать. А это уже не любовь. Так любят свою квартиру, свой мягкий диван, свой холодильник, набитый пивом... Всё! Надо наплевать на него и забыть!

Когда она найдет себе домик на берегу Оки, она не будет все время сидеть у печи, да на огороде... Верочка собиралась писать книги. А что? У нее немаленький жизненный опыт. Она может писать и про студенческие годы, про дразги в московской коммуналке, об артистической среде, о предательстве, любви, сексе... Да, вот с последним в деревне бу-

дет плохо. Очевидно, что теперь этого у нее не будет ни с кем и никогда... Жаль, с Левушкой было так хорошо, лучше всех... Правда, сравнивать ей было особенно не с чем. Более ранние эпизоды были настолько мимолетны и сумбурны, что Верочка не успевала ничего прочувствовать. А вот с Левушкой было хорошо... Вот черт! Опять этот негодяй в голову лезет. Наплевать и забыть!

Верочка стала думать, как она найдет подходящий дом для жилья. Надо на привокзальной площади в Коломне найти или старушек с плакатиками на груди, или шустрого местного риэлтора. Она не сама это придумала. Как-то говорила Бармину о своей мечте пожить под Коломной на берегу Оки, и они даже собирались поехать в те места на недельку. Вот тогда Левушка начал строить планы про вокзал, про риэлтора, сдающего пустующие избушки у реки... Черт! Все мысли заклинились на этом аморальном типе. Немедленно надо наплевать и забыть...

* * *

Квартира на Арбате очень была нужна Чуркину. Его волновала даже небольшая задержка с отселением. А тут и вовсе неопределенный затык, который раздражал и злил. Но тот самый пунктик в характере Василия, который преследовал его всю жизнь, напоминал о возне своих мучителей в полутемном складе и требовал мщения, так вот этот заскок нахо-

дил в сегодняшней ситуации и приятные моменты.

Чуркин с восторгом смотрел на сутулую фигуру риэлтора Аркадия Зверева. Еще две недели назад этот франт, этот красавчик имел стройную фигуру и нахальные глаза. Сейчас он ждет, что заказчик будет макать его мордой в дерьмо, а потом всего размажет по стенке. Боится и правильно делает. Надо только не спешить. Надо подольше поиздеваться, покуражиться, а потом бы бросить его лицом вниз на вонючие мешки в углу овощного склада.

– Ну и как наши дела, Аркаша? Все ли ты сделал, что обещал?

– Не все получилось, Василий Иванович. Маленькая загвоздка.

– Маленькая? И какой у нее рост?

– У кого?

– У загвоздки, Аркаша... Я тебя про актрису спрашиваю, балбес! Про ее приметы, явки, пароли... Где она? Ты еще двоих на мои деньги отселил, а без нее весь проект летит коту под хвост. Я что, с соседкой буду жить? Ты меня решил в коммуналку поселить?

– Это временная задержка, Василий Иванович. Найду я актрису. Никуда она не денется.

– От тебя, Аркаша, любая убежит! Ты олух. У меня огромное желание тебя опустить на самое дно, но ты мне пока нужен... На поиски артистки даю пять дней. И работать будешь под присмотром.

Пока Чуркин вызывал какого-то Петю Колпакова, униженный риэлтор стоял с понурой головой. А что он мог еще сделать? Возражать или оправдываться – это самоубийство. Вздорный Чуркин мог не просто пожаловаться руководству риэлторской фирмы, а устроить Аркадию волчий билет. Это такая казнь для карьеры. Увольняют тебя и вносят в черный список. При каждой последующей попытке получить место в солидной фирме нарываешься на полный отлуп, а чаще на вежливый отказ с ехидной ухмылкой. Дальше – только подаваться в челноки и торговать шмотками... Гордость у Аркаши была, но маленькая и очень послушная. В нужный момент она затихала, замолкала и засыпала.

Вошедший в кабинет Колпаков оказался тридцатилетним парнем с мощными габаритами. Не Геракл, но около того.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что этот громила имеет кличку Малыш. Совсем недавно он был ментом, но неудачно попался на взятке. Неудачно потому, что взяточка была мелкая. А еще потому, что время оказалось неудачным – перед выборами политики решили изобразить чистку рядов в милиции. И капитан Колпаков оказался козлом отпущения. Полковник при увольнении так ему и сказал: «Козел ты, Петя. Не мог на месяц притихнуть? Другие и побольше тебя берут, но уловили остроту момента и ждут, когда этот театр закончится»...

Пересказывая эту историю, Чуркин испытывал явное на-

слаждение. Он мог спокойно называть этого недавнего капитана козлом. А еще было приятно показать, что этот грозный оперативник теперь в его власти и подчиняется любым приказам.

– Ты, Малыш, не в помощь идешь к Аркадию. Он тупица, а ты, хоть и бывший, но капитан. Значит ты старший... Пять дней вам даю на все. Найти актрису и любыми методами заставить подписать документы. Я столько в эту квартиру вложил, что заднего пути уже нет... Вся ответственность на тебе, Аркадий. Малыш, он – охранник. Ему бы только зубы дробить и взятки сшибать...

Сразу после выхода из офиса в соседнем скверике компаньоны провели первое совещание.

– Послушайте, Малыш. Я так и не понял, кто из нас главный?

– Ты, Аркаша.

– Но Чуркин сказал, что вы капитан, старший по званию и все такое...

– Значит я главный.

– Но Чуркин еще сказал, что вся ответственность на мне.

– Значит ты главный... Не волнуйся, Аркаша. Это у нашего шефа манера такая. Он хочет нас обоих поиметь. Чуркин – барин. И любит, чтоб вокруг были виноватые холопы, которых можно за чубы оттаскать. Он при этом в экстаз вхо-

дит... А еще он не верит, что мы актрисулю найдем.

– Но мы ее найдем?

– Не таких находили... Вот что, Аркадий, ты на машине?

– Естественно.

– Едем в театр и начнем первые допросы. Работаем на пару – ты добрый следователь, а я злой.

– Поясните, Малыш, что мне делать конкретно.

– Не выкать мне и не называть на людях Малышом. Ты мне приятное сделай, обращайся просто: «Товарищ майор».

* * *

Верочке попалась деревня со смешным названием Раково. Смех был в том, что, по словам рыжего местного риэлтора, раньше, при царизме это было село под названием Дураково. Большевики убрали две первые буквы, и народ стал разбегаться. Постепенно, прямо как раки начали пятиться и расползаться из этой глуши.

Именно эта деревня была выбрана не из-за хитрого названия. Рыжий парень сообщил Вере, что изба в Раково сдается со всем скарбом. Все вещи были не в идеальном состоянии, но они были. Все, от иконы, мебели и посуды до лампочки и пачки старых газет.

Но и не это самое главное. Рыжий сказал, что в соседнем доме недавно поселилась москвичка с грустными глазами:

– Вот вы актриса. На Арбате живете. И все у вас должно

быть в порядке. А она в такую передрыгу попала: квартиру жулики отняли, с работы выгнали и еще муж ушел к другой...

Верочка сразу поняла, что в Раково у нее будет настоящая подруга по несчастью. Даже по трем...

Так оно и случилось. У Наташи Горенко были действительно большие и грустные глаза. Но не всегда.

Пока они суетились, устраивая Верочку, взгляд у Наташи был заботливый и грустный. Когда за ужином она коротко сообщила о своих бедах, то глаза стали взволнованными, колочими, но все равно грустными. И даже одинокая слеза покатила по щеке.

Но поздним вечером растопилась банька и они азартно вениками сметали с распаренных тел все далекие московские заморочки. И все смыли... Глаза у Наташи стали игривые, томные и уж совсем не грустные. Она в медленном танце кругами прошла по просторной баньке и засмеялась:

– Да гори оно все синим пламенем... Ты посмотри на нас, Верунчик. Хороши бабы? В самом соку! И что, не сможем мы себе жизнь устроить? Да вся Москва у наших ног будет. Вот только отдохнем немного, перезимуем здесь и по весне – в столицу... А давай сейчас сбегает на Оку. Прямо вот так, как русалки.

– Светло еще.

– А кто увидит? Здесь из аборигенов один дед и две ста-

рухи. Они за забор носа не кажут. У них на троих всего пять зубов... Побежали!

И Наташа выскочила из бани, уверенная, что Верочка последует за ней. А у той просто не было другого выхода...

До Оки было всего метров двести. Сначала по тропинке вдоль покосившихся заборов и безлюдных домов. Потом с обрывчика вниз и по заливному лугу к прибрежным камышам.

Догнать Наталью так и не удалось. Она бежала свободно и красиво. А Вера чувствовала, что стесняется, что старается пригнуться, сгорбиться. И руками она не размахивала, а прикрывала ими все что можно...

* * *

До начала спектакля оставались минуты, но в кассе аншлага не было. Билеты продавались, и даже можно было выбрать.

Малыш взял два самых дешевых. Смотреть на режиссерский шедевр Семена Турищева они не собирались. Им был нужен он сам...

Семен Маркович хорошо понимал, что сегодняшняя пьеска идет на публике уже в двадцатый раз и ничего изменить нельзя. Артисты видят, что с каждым разом народа в зале не прибавляется, а потому не стоит выкладываться... Все

это он знал, но по инерции перед открытием занавеса разыгрывал творческий экстаз. Он собрал почти всех исполнителей и рассыпал упреки за вялость отсутствие полета души.

Малыш ввалился в кабинет со вторым звонком. Аркадий тоже был при нем, но где-то сзади, робко выглядывая из-за плеча.

Бывший опер протиснулся в центр, вытащил красную книжицу, помахал ею и заорал:

– Спокойно, граждане. Уголовный розыск. Всем, кроме гражданина режиссера, покинуть помещение... Быстренько все вон! Вам на сцену пора. И пока будете там лицедействовать, подумайте, куда вы дели актрису Заботину...

Артисты послушно потащились на выход. Тем более что подоспел третий звонок, и главным героям пора было входить в образ.

Семен Маркович на минуту оцепенел. У него, как и у любого нормального человека было много грехов, но этот громила из уголовки намекнул, что дело связано со стервой Заботиной. Если она заявила об изнасиловании, то дудки! Он ничеготеньки сделать не успел, да еще получил за это в глаз... Но если она самоубилась и записку против него оставила...

Режиссер покрылся холодным потом. Он понимал, что сейчас не то время, и Верка не кисейная барышня, но голову корежила мысль о записке со словами: «... в смерти моей

прошу винить Семена...»

Первый вопрос громилы только подтвердил его опасения:

– Когда вы в последний раз общались с Заботиной?

– Я с ней не общался. Я только намекнул ей на возможность общения... А почему вы у нее об этом не спросите? Где она?

– Вопросы здесь задаю я! Вы ее обидели?

– Ни в коем случае! Это она мне глаз подбила. Вот тут, посмотрите, сквозь грим синяк светится. Я совершенно не виноват.

– Вину не я определяю, а суд... Если быстро найдем Заботину, то суда можно избежать. У кого она может скрываться?

– Я не знаю, товарищ...

– Майор! Майор Колпаков... А кто может знать о ее личной жизни? Кто ее подруги?

– Это театр, товарищ майор. Здесь подруг не бывает. Они все соперницы.

– А приятельница какая-нибудь. Не из актрис, а так.

– Есть! Гримерша наша. Оксана, не помню фамилию...

Семен Маркович даже подпрыгнул от радости, как будто мысль о тихой одинокой гримерше решала все проблемы. Вот сейчас этот грозный грузный майор возьмется за Оксану и отпустит бедного режиссера на все стороны... Телефон в гримерке не отвечал. И тогда на ноги были подняты все, находящиеся в театре. Все, кроме зрителей и играющих акте-

ров... Испуганную гримершу Бабину притащили через две минуты.

С Оксаной разговор был не такой жесткий. Режиссера надо было ошеломить, а эта женщина и без того была в нервном состоянии. Но отвечала гримерша довольно четко:

– Знать я, конечно, не знаю, но предполагаю, что Верочка у своего любимого человека прячется.

– У любовника?

– Нет, что вы такое говорите. Верочка не такая. Он ей почти жених. Даже ближе – почти муж.

– А как этого «почти мужа» зовут? Вы случайно не знаете?

– Знаю. Мне Верочка часто о нем говорила. А зовут его Левушка.

– Лев, значит... А адреса Левушки у вас случайно нет?

– Адреса нет... Но есть домашний телефон. Вера дала мне его так, на всякий случай. Вдруг театр сгорит, когда она у Левушки ночует... Вот и телефон, и фамилия его – Бармин Лев Николаевич.

* * *

Городской человек привыкает к огромному потоку информации. С самого утра всё вокруг начинает вещать, сообщать, уговаривать. Бедному обывателю промывают мозги и беспрестанно в них грузят, грузят... Но это там, в городе. А здесь в деревне Раково телевизоров не было. Из печатного

слова – три десятка пожелтевших газет десятилетней давности и две книги про пионерское детство. Рекламы на улице тоже не было. И собеседников минимум: один у Верочки и один у Наташи.

Вот в этих условиях уже через три дня они знали друг о друге больше, чем каждая сама о себе.

Родители Наташи Горенко приехали в Москву учиться. Получив дипломы, они зацепились за столицу и стали вкалывать, доказывая, что достойны быть москвичами. Сначала им давали грамоты, потом премии и, наконец, расщедрились на квартирку. Вот тут-то уже не совсем молодые специалисты вплотную занялись деторождением.

Ребенок получился поздний, любимый и единственный. После рождения Наташи родители сбавили темп в работе. А тут еще подналетели смутные времена. Одним словом, семья Горенко ютилась в малогабаритной однокомнатной.

До какого-то момента это было не так важно. В тесноте, да не в обиде. Но когда дочке стукнуло двадцать пять, а все потенциальные женихи отваливались, посетив их хоромы, родители-пенсионеры собрали вещички и укатили на свой кубанский хутор. И не зря! Почти сразу появился он, тот, которого Наташа ждала всю жизнь. Ну, это она тогда так о нем думала. Ошибалась!

Нет, по началу все было, как на последних страницах любовных романов. Было объяснение в любви, потом предло-

жение, помолвка, свадьба, медовый месяц... Муж занимался каким-то непонятным и очень мелким бизнесом, в который надо было все время вкладывать деньги и ждать отдачи.

Наташа была так счастлива, что не замечала, как муж продал свою машину, потом гараж, мебель из своей квартиры и, наконец, саму квартиру. Все это было не одномоментно и вроде бы как временно. В интересах бизнеса!

В последний год Наташа подписала несколько бумажек, которые ей подсунул муж. И вскоре была продана ее родная однокомнатная квартирка, полученная ее родителями за ударный труд. Муж со слезами на глазах уверял, что это временно, в интересах бизнеса... А еще он сказал, что, пока у них нет своего угла, то лучше пожить отдельно. Временно! В интересах сохранения семьи.

Только тут Наталья начала суетиться и довольно быстро выяснила, что ее благоверный врал ей все время. Его бизнес – игра в казино. И долгов у него выше крыши. Но главное – у него и до нее были жены. И они тоже остались без квартир... После развода Наташа возненавидела если не весь мир, то уж сильную его половину точно.

– Ты, Верочка, не представляешь, какая у меня на них злость.

– На кого?

– На мужиков. На всех! Мстить буду до конца жизни. Уничтожать их надо. Если не физически, то морально. Каждого

встречного попытаюсь увлечь, довести до экстаза, а потом предать... Это так больно, когда предают. Ты, Верочка, не представляешь, как это больно.

– Это я-то не представляю? Лев меня не хуже твоего предал. Только я надеюсь, что не все мужчины такие, как нам попались.

– Права ты, Верочка. Не все! Из тысячи найдется один нормальный. Такое исключение только подтверждает общее правило... И возраст у нас уже критический. Тридцатник! Наши мужики, которые нормальные, уже давно переженились... Пойдем на двор. Помогу тебе дрова рубить. Скоро ночи холодные пойдут. Чем печь топить будешь?

* * *

Еще в театре Аркадий понял, что без Малыша он не продвинулся бы ни на шаг. Раньше он думал, что у риэлтора и опера родственные профессии. И тот, и другой заставляют людей делать то, что те не хотят. Но риэлтор неделями кружит вокруг клиента, убеждая его дешево продать свою квартиру или дорого купить чужую. А оперу надо все и сразу. Напор, натиск и наглость...

Из театра они не сразу бросились на квартиру Бармина. Для начала Малыш куда-то позвонил и по номеру телефона узнал адрес этой самой квартиры. Потом они приблизились к дому, и Малыш начал проводить разведку, называя

ее таинственным термином «установка». Он кружил вокруг подъезда, подходил ко всем лавочкам во дворе, заглянул и на площадку, где детские грибочки.

Аркадий ходил следом, но не сразу понял, что опытный опер ищет ни кого-нибудь, а старушек, у которых в глазах доверчивость и жажда общения. Такие все знают и готовы выложить любую информацию за спасибо.

Малыш со слезой в голосе пересказывал бабусям историю о пропавшей сестре, которую соблазнил коварный Лев из двадцать пятой квартиры.

Методика у Малыша была отработана идеально, и через час они с Аркадием знали все и в подробностях. Если выделить самое главное из того, что поведали разные старушки, картинка получалась интересная:

– Ходила сюда твоя сестра. Не часто, но два раза в неделю... Мы сразу поняли, что это пустые хлопоты. Этому хмырю не такая нужна. Твою сестру Верой звали? Вот она и верила. А мужикам только дай послабление... Короче, проворонила твоя сестра этого льва. Но пусть не жалеет. Последний месяц этот стервец еще одну завел. И принимал он их попеременно. Значит – через день. В молодом возрасте сил на это хватает. Хотя и не у всех... Твоя сестра пешком от него ходила, а эта новая на дорогушей машине катается. Нынче рыночные отношения – все покупается! У какой денег больше, та и мужика получше может выбрать... Уже неделю твоей сеструхи не было видно. А эта фифочка ходит. И даже

промеж себя что-то о свадьбе говорили... Так она и сейчас у него.

Информация была важная, но не самая приятная. Вот если бы бабульки сообщили, что у Бармина сейчас не фифочка, а Верочка...

Звонить в дверь двадцать пятой квартиры пришлось долго. Малыш даже не выдержал и несколько раз долбанул кулаком. Разбить стальную громадину было невозможно, но грохот получился солидный. Вскоре щелкнул замок, и дверь приоткрылась на ширину цепочки.

Малыш даже обрадовался, что есть, где продемонстрировать силу. Он рванул дверь на себя, и цепь разорвалась и разлетелась, разбрасывая вокруг шурупы и другие железяки.

В коридоре стоял испуганный человек в белом и пушистом халате. Сейчас он совсем не был похож на льва, но это был Лев Бармин собственной персоной.

От страха Лев застыл, и Малышу пришлось грудью впихнуть его вглубь квартиры.

Аркадий вошел последним. Он заметно возбудился, осмелел и, схватив Льва за отвороты халата, крикнул ему в левое ухо: «Уголовный розыск! Проводим обыск... Молчать и не каких возражений!» Но послушный Бармин и без того молчал...

Малыш не собирался обыскивать квартиру, но не стал противоречить напарнику. Пришлось обходить все комна-

ты. В той, которая была спальней, обнаружилась та, которую старушки называли фифочкой. Она сидела в центре широкой кровати, натягивая простынку поближе к груди.

Поскольку обыск затеял Аркадий, он попытался начать допрос:

– Попрошу ваши документы! Вы задержаны... Ваше имя, фамилия...

– Меня зовут Елизавета... Можно просто Лиза.

Аркадий хотел еще что-то спросить, но вдруг заметил, что задержанная на него даже и не смотрит. Она уставилась на Малыша, который стоял у кровати во весь свой рост и расправлял и без того широкие плечи.

Пауза затянулась. Да и Аркадий не знал, как дальше проводить допрос, о чем ему спрашивать эту женщину... В голову приходили исключительно идиотские вопросы: «Что вы здесь делали? Почему вы голая? Где та, которая была до вас?»

Но больше всего возмущало невнимание Елизаветы к лицу, проводящему допрос. Она смотрела на другого мужчину. Ее руки, держащие простынку, от волнения дрожали и опускались все ниже и ниже... Никакого стыда в людях не осталось! И никакого почтения к милиции!

Аркадий умоляюще посмотрел на Малыша, прося разрядить обстановку. Тот все понял и разрядил:

– Значит так! Вы, капитан, продолжайте здесь, а я пойду

на кухню и допрошу гражданина Бармина.

Лев уже немного отошел от шока. Грехов перед законом у него не было. Кроме взяток. Но за взятки так не берут. Тут надо на месте, с поличным и с понятиями.

Первые же вопросы «товарища майора Колпакова» его совсем успокоили. Стало ясно, что милиция ищет Верку, пропади она пропадом... Лев размяк и готов был расколоться, но он действительно не знал, где она. Если ее нет в театре, нет в комнатке на Арбате и нет в его квартире, то ее вообще нет в Москве. А если ее нет в Москве, то она где?

Бармин торопливо пересказывал Малышу детали своих встреч с актрисой, и вдруг его осенило:

– Я все понял, товарищ майор! Она мечтала бросить все и поселиться в домике у Оки. У нее сейчас жизненная трагедия и она захочет именно там пережить душевную боль.

– Какая у нее трагедия?

– Так я же ее бросил и женюсь на другой. Кстати, майор, я вас очень прошу не сообщать моей невесте об этой актрисе. Она вообще ничего не знает... Обещаете?

– Я-то обещаю, но капитан у меня очень говорливый... Пойдемте в спальню, остановим его.

Аркадий стоял лицом к стене... Он так и не провел никакого допроса. Единственное, что он успел сказать за это время: «Оденьтесь. Я отвернусь».

Действительно, он же не мог с ней серьезно разговаривать, когда она возлежит под простыней, которая так подчеркивает все, что отвлекает от работы... И он отвернулся к стене, только потом заметив, что на ней большое зеркало.

Елизавета, конечно, понимала, что он ее видит, но не отошла в сторонку, где можно все делать не отражаясь. Наоборот, она одевалась медленно, со вкусом... И он мог бы зажмуриться, но не стал этого делать. Хотел, да не смог.

Когда Малыш с Барминым вошли в спальню, Лиза была уже при полном параде, а Аркадий как провинившийся школьник все еще стоял лицом к стене.

Малыш сделал вид, что не понял мизансцены:

– Вы еще не начали допрос, капитан? Вот и хорошо. Тут дело тонкое, а вы могли лишнее выболтать. Лиза у нас невеста и ей незачем знать про Веру Заботину. И про то, что Бармин до последней недели крутил любовь с актрисой, а потом предал ее. Элементарно бросил и решил жениться на богатенькой...

* * *

Это только кажется, что для отдыха нужна полная тишина, покой и созерцание природы. Нам хорошо там, где мы привыкли.

Только первые дни пустынная деревня умиляла Верочку. Еще и неделя не прошла, а ей, привыкшей к уличному гаму,

к толчее и тысячам встречных глаз, вдруг стало неуютно.

В середине дня, сама не зная зачем, Вера пошла на дальнюю окраину деревеньки Раково, где обитали оставшиеся еще местные жители. Ей просто захотелось познакомиться, увидеть новые лица, услышать новые голоса. За пять дней она успела подружиться с Натальей, даже полюбить ее. Они с таким удовольствием раскрывали друг другу душу, что почувствовали себя роднее самых близких родственников.

Но во всем нужна мера. Вчера вечером Верочка почувствовала, что очередная исповедь ее утомляет. Наташин голос стал даже раздражать. И только потому, что он был за эти дни единственным.

Вера специально не сказала подруге о своем походе. До вечера надо от нее отдохнуть, а потом опять можно будет со вкусом трепаться за жизнь.

Имя у старика было подходящее. Деревенское имя – Макар. Возможно, и отчество было такое же исконное, от земли, но узнать его так и не удалось. Старик упорно убеждал: «Зови меня, дочка, попросту – дед Макар. Мы, Верочка, люди простые и к отчествам не привыкшие».

Было непонятно, откуда он узнал ее имя. Но это было первое и самое маленькое удивление при разговоре со стариком. Вскоре Верочке стало казаться, что он знает все. О ней, о других людях, о стране.

– Глаза у тебя, дочка, очень печальные. Уныние в них глу-

бокое, кручина. Или жених тебя недавно бросил?

– Я сама его бросила! А откуда вы про это знаете?

– Чувствую... Вот ты не удивляешься, как старики про погоду точно говорят? Вернее, чем всякие ученые. Думаешь, что у них кости ноют и оттого они дождь чувуют? Вот и не так. Я погоду чую не костями, не телом, а мозгами. Что-то в голове само выстраивается и приходит нужная мысль... Да не в погоде дело. Я вот про тебя все знаю. Пустым человеком был твой жених. И не жених он вовсе. Ты сама про него так думала, а он даже про любовь ни разу не сказал. Ведь так?

– Все так, дед Макар!

– Он тебя использовал так, для телесного удовольствия. Но ты об этом не жалеешь. Ты теперь битая и цена твоя, как у двух небитых... Скоро встретишь ты дельного человека. Настоящего, без фальши. Сначала его детей приласкаешь, а потом и своих от него заведешь.

– А почему у него дети? У него жена была? А зовут его как?

– Ишь ты, шустрая какая! Имя ей подавай. Хорошо, хоть адрес не спросила... Я же не депутат какой, чтоб сочинять. Чего не знаю, о том не говорю. Я уж что говорю, то точно будет...

Дед Макар случайно сказал о депутатах. Ни одного из них он в глаза не видел. Да и слышал о них по своему старенькому приемнику не часто. Там все больше музыку передавали.

Дерганную и с глупыми словами... Но он этих людей чувствовал. Как и всех других. Как и всю Россию, страну, где все не через то место делается.

Неуемный мы народ. Все хотим сотворить нечто особенное и на полную катушку. Уж если врагов ищем, то полстраны в Сибирь загоним. Если ворует, то от души. Но когда любим или дружим, то уж в полном ослеплении. И последние штаны готовы отдать, и последний огурец разрезать... Нет, другим нас не понять. И как, если мы сами себя понять не можем. Говорим, что русские долго запрягают. Правильно! Но это если на работу ехать. А если к бабам или за водкой? Вот и разберись тут...

Устав от мыслей за всю державу дед Макар взглянул на притихшую Веру.

– Ты поспеши, дочка, к своей избе. Гости к тебе должны приехать.

– Это он?

– Кто?

– Ну, тот, о котором вы говорили. С детьми и без жены.

– Нет, Вера, это не он. Но без разговора с этими гостями ты своего не встретишь.

– Вы это точно знаете, дед Макар?

– Не знаю, а чувствую... А еще я чую, что будут они тебя уговаривать сделать то, что ты не хочешь. Так ты не поддавайся. Стой на своем!

Улица в Раково была одна, но не прямая, а с поворотами и пригорками.

Верочке очень хотелось верить в то, что сказал дед Макар. Но сомнения одолевали, превращая все в добрую стариковскую шутку. За последним поворотом, взобравшись на последний пригорок, она поверила окончательно: около ее избы стояла машина. Значит, к ней приехали гости. Значит и все остальное правда!

На дворе за столом около кустов сирени сидели трое. Двоих Верочка знала. Это Наташа и риэлтор Аркадий. Третьим был огромный, но совсем не страшный мужчина. У него были добрые и смущенные глаза.

Взглянув на подругу, Верочка удивилась выражению ее лица. Взгляд с поволокой, томно надутые губы с блуждающей улыбкой. Да и жесты были какие-то жеманные, как у старой девы, которую знакомят с потенциальным женихом. Актриса Заботина так бы и играла подобный персонаж. Но от Натальи она просто не ожидала подобных гримас. Плохо она ее знала. Да и что узнаешь за пять дней. Они и ста грамм соли вместе не съели, а по слухам необходим пуд.

Разговор начал Аркадий. Всё очень дружелюбно и миролюбиво:

– Мы к вам приехали, Верочка, для очень важного разговора. Исключительно в ваших интересах.

– Слушаю вас.

– Обстоятельства так сложились, что вы должны пере-

ехать с Арбата. Очень для вас выгодно. Мы и квартиру вам купим, и перевезем, и банкет устроим...

– Это вы серьезно, Аркадий? Вы считаете, что я должна? Так вот – никому и ничего я не должна! Я остаюсь жить на Арбате, в своей комнате.

– А вот Наташенька нам сказала, что вы решили в этой избе остаться навечно. Я имею ввиду – на постоянное место жительства.

– А хоть бы и так! Но комнату на Арбате я не продам.

Весь дальнейший разговор шел по кругу. Ничего нового, но стороны говорили все громче, настойчивей и злее.

Может быть, больше других волновалась Наташа. Она в разговор не вмешивалась, но про себя ругала Верочку за нервозность, вспыльчивость. Это просто хамство, так разговаривать с симпатичными ребятами. Она и сама говорила Вере, что мужчины сволочи, но не все же. Есть очень даже ничего. Особенно этот, огромный, который сидит рядом и боится взглянуть на нее. Но и не надо глядеть. И говорить ничего не надо. Наташа и так его чувствовала. От него исходила добрая, ласковая энергия. От этого становилось жарко, кружилась голова и хотелось чего-то сумасшедшего... А тут Верка со своим упрямством. Ослиха! Перед мужчинами можно поартачиться, но не целый же час. И мягче надо, женственней, капризней...

Улучив момент, когда спорщики выдохлись, Наташа при-

гласила всех в избу на чай с пирогами. Понятно, что она приглашала к себе, но дом Веры был ближе, туда и пошли.

Сразу же началась приятная суэта. Из сундука была извлечена скатерть, на столе появилась разнокалиберная посуда и кое-что из деревенских припасов.

Пока на крыльце вскипал самовар, Наташе удалось утащить Малыша в свой дом: «Помогите мне, Петя. У меня там на верхней полке баночка с вареньем... И вообще – эту парочку лучше оставить наедине. Без нас Верочка не будет так упрямыться. Она же актриса, на публику работает».

Варенье у Наташи было и в кухонном столе, но одна баночка и вправду попала на самую верхнюю полку. Достать ее можно было только со стула. Он был в доме единственный и такой шаткий, что просьба подстраховать слабую женщину выглядела вполне естественной.

Наталья долго копалась наверху, пошатывалась и чуть не падала, но скромный Колпаков делал совсем не то, что ей хотелось. Он деликатно, как в бальном танце, чуть прикасался руками к ее талии. А по ситуации мог бы и надежней страховать. Обхватил бы, да и прижался всем телом... Вот плохо, когда мужик – нахал. Но когда наоборот, то тоже бывает обидно...

Застолье проходило в теплой и дружеской обстановке. Аркадий нервозно шутил, но ни разу не вспомнил о комнатке на Арбате. Как будто не за этим он сюда приехал. Как будто

не ждет его в Москве злой Чуркин.

Правда, как опытный опер, Малыш заметил, что риэлтор излишне суетится и торопится. Ну не мог он спешить в Москву не сделав еще несколько попыток уломать актрису. И сам Колпаков еще не приступал к делу. Не хотелось, но он мог бы поугрожать, намекнуть на возможное физическое воздействие. Но раз Аркаша потянул на себя одеяло, то пусть и укрывается... И Аркадий солировал:

– Хорошо у вас, но мы, пожалуй, поедem. Скоро вечер, а нам с Петром еще три часа до города пилить... А вы, Верочка, в Москву скоро собираетесь?

– Не скоро. Через год или два. Я хочу книгу написать. Мне тишина нужна и покой.

– А не захочется в столицу?

– Зачем? Нам с Наташей и здесь хорошо.

– А вещи, что на Арбате остались?

– Пропади они пропадом! Все, что нам надо, мы и в Коломне купим.

Они не меньше пяти километров ползли по раздолбанной дороге, выбираясь из забытой всеми деревеньки Раково. Только ощутив под колесами асфальт, Малыш задал вопрос, который давно крутился в его голове:

– Ты что это, Аркаша, так заторопился? Тебе решать, но могли бы еще над клиенткой поработать. Что такое произошло, пока я с девушкой варенье искал? У тебя родился ге-

ниальный план?

– Да! Не знаю, какой он гениальный, но вполне реальный... Останови машину!

Малыш подчинился, хотя мог бы и послать осмелевшего риэлтора. Просто стало действительно любопытно, с чего это тот так расхрабрился.

Машина сошла с дороги, прокатилась по поляне и замерла у березовой рощи.

Аркадий молча подошел к багажнику и извлек оттуда широченный пластиковый пакет. В нем был кейс. В кейсе – женская сумочка. А в ней, кроме кучи ненужных мелочей, было действительно нечто важное. Это паспорт на имя гражданки Веры Заботиной, ключи от арбатской квартиры и документы о покупке той самой комнаты, из-за которой вся суматоха.

Малыш еще не сообразил, как риэлтор собирается использовать свою добычу, но было ясно, что тут могут быть комбинации. Ругать Аркадия он не стал, а так, чуть-чуть пострашал:

– Теперь ты под статьей ходишь, Аркаша. Кража в чистом виде. И у кого? Девушка тебя накормить собралась. В погреб, должно быть, побежала. А ты, как дешевый воришка...

– Ты не прав, Петр. Это не кража. Я боялся, что здесь деньги. Тогда оно, конечно, было бы нехорошо... А так – это просто изъятие документов.

– Мне как-то один карманник то же самое сказал. Я, гово-

рит, не украл, а произвел изъятие кошелька... Ты что дальше-то думаешь делать с этим барахлом?

– Думаю срочно использовать!

– Как?

– Думаю, надо найти очень похожую женщину, которая по паспорту актрисы продаст комнату. Можно так?

– Можно, Аркадий. Но не нужно... Ты должен сопроводить продажу и значит ясно, что ты все это и организовал. Актриса приедет через год или два и закатит Чуркину скандал. С кого тот голову снимать будет?

– С нас.

– С тебя, Аркаша! Я к этому времени могу уехать из Москвы. Брошу все и отправлюсь в деревню Раково.

– Тебя что, Наташа приглашала?

– Не конкретно, но намеки делала... Так вот, Аркаша! Есть у меня вариант спасения твоей шкуры. Только дорого это будет стоить...

* * *

Сегодня для него был страшный день. Он знал, что обязательно сделает то, что он называл акцией. Он был уверен в полной для себя безопасности. И место выбрано удачно, и время, и оружие он достал очень хитрым способом, и алиби его безупречно. Никто его не заподозрит, не найдет, не поймает. Но страшно было по другой причине. В голове вдруг

начало возникать странное и совершенно непривычное для него сочетание слов – божья кара.

Буквально до вчерашнего дня он думал о религии, как об уходящей натуре, как об элементе старины, наряду с былинами, шаманами и сарафанами. Разве может мыслящий человек серьезно воспринимать историю мира от Адама до наших дней. В эту сказку не помещается не только динозавр, но и неандерталец в шкуре. И другим народам там места нет: куда деть индейцев, чукчей, китайцев. Всё, якобы, сотворилось на клочке земли около Мертвого моря. Никакой логики!

Одним словом – бога для него не было. И необходимости в нем не было: грешил он мало и редко. Но вчера ночью, в суздальской гостинице ему приснился настоящий ад. Тот самый, со сковородками и истопниками в образе чертей. Его встретил там огромный седой мужик с голосом прокурора. Заявив, что убийство есть смертный грех, он схватил очередного подсудимого и швырнул на раскаленный чугунный диск...

Понятно, что это был лишь дурацкий сон, но седой старик возник в голове и утром за завтраком. А когда машина неслась к Москве, то этот проповедник появился на заднем сиденье и нашептывал в правое ухо. Вел религиозную пропаганду:

– Это правильно, что ты разумом не можешь бога понять. Его только сердцем можно прочувствовать... Пред-

ставь, будто ты оказался среди затерянного племени. У папуасов. И вот ты им рассказал про телевизор. Что произойдет? Многие тебе не поверят. В их уровень знаний этот ящик не вписывается. А другие просто поверят тебе и будут правы... Так и с богом. Кто верит, тот и прав!

Старик говорил еще много, но так и не убедил. Перед самой Москвой удалось его совсем прогнать. Времени для душевных терзаний не оставалось. Впереди куча дел – добыть пистолет, встретиться с ней, пообщаться, проводить, доведя до глухого двора в переулке Сивцев Вражек... Акция состоится при любой погоде.

В последний раз он привел ее на свою квартиру. Была уверенность, что ни раньше, ни сейчас ее никто здесь не видел. Она всегда проскальзывала, как серая мышка. Зато в спальне она расправляла плечи, готовясь стать яркой желанной любовницей.

Так было и на этот раз... Она была удивительно хороша! Можно было смотреть и смотреть. Но сегодня глаз утыкался в одну точку, туда, где сходились ее груди. Чуть-чуть пониже... Он точно знал, что стрелять будет сюда. Это наверняка...

– Дорогая, нам пора. Я еще хочу проводить тебя. И как всегда хоть десять минут посидим на той лавочке.

– Обязательно, Арсений... Странно. Здесь у тебя мы можем целоваться сколько угодно, но в глухом дворе на Сивцевом Вражке все не так. Там романтично и радостно... Я никогда не забуду эту лавочку.

– Я тоже не забуду. Уж это точно... Послушай, Ольга, а ты в бога веришь?

– Верю! Это он подарил мне тебя... С мужем мне всегда было неудобно. А с тобой мы как две половинки. Я буду любить тебя до самой смерти.

– Не сомневаюсь... Пойдем, Ольга. Нам надо спешить. Вдруг лавочка будет занята. Придется искать другое место.

* * *

Малыш мог бы свалить все на Аркадия и не помогать ему. Он вообще собирался бросить Чуркина и найти себе работу менее холуйскую. И в ментах он не был свободен, но там все в одинаковом положении. У каждого начальника был свой начальник. Значит, было и понимание: сейчас я тебя вызвал на ковер, а завтра мне будут фитиль вставлять.

В работе на хозяина ощущалось совсем другое, унижительное состояние. Тем более, что у Чуркина были явные проблемы с психикой. Озлобленность сверх меры, мстительность и, что самое противное, удовольствие от чужой боли. Вот это и заставляло бывшего мента Петра Колпакова помогать непутевому риэлтору. Тот мог загнать ситуацию в такой

глубокий тупик, что Чуркин в ярости оторвал бы ему ноги, а упрямой актрисе голову.

Образ безногого Аркадия не очень волновал Малыша, а вот Верочку без головы видеть совсем не хотелось. А еще он понял, что больше всего боится за Наташу, которая в этой разборке могла оказаться лишним свидетелем. А таких обычно убирают.

Малыш никак не мог понять, почему он запал на эту девушку с вареньем. Все в ней было, как у других: и лицо, и одежда, и душа... Вот с душой он засомневался. В ее глазах была покорность и надежда. Но не рабская покорность, не постоянное «Чего изволите, мой господин?» Здесь виделась спокойная готовность всегда находиться за мужчиной, за мужем... И надежда в ее взгляде была особенной. Все в ее положении хотят богатого и приличного мужа, свадьбы с подарками, удовольствий и развлечений. Наташа ждала, так ему казалось, совсем другого. Она надеялась на любовь и взаимное обожание.

И еще одно крепко зацепило Малыша. Там, в пустой хате при долгих поисках никому не нужной банки вишневого варенья молодая женщина делала ему явные намеки. Наталья, что вполне естественно, хотела мужской ласки. И не чьей-нибудь, а его ласки... Она хотела, а он не дал! Она отдавалась, а он, подлец, не взял...

За годы милицейской службы у Малыша накопилось мно-

го друзей. Многие могли бы помочь в этом деле, но он выбрал Шурика Сухова. Он сам так представился в первый день своей службы, и вот уже десять лет никто не назвал его иначе. Ни Александром, ни Сашей – Шурик и все тут.

– Просьба у меня к тебе, Шурик. Непыльную работку хочу предложить.

– Я тебя знаю, Малыш. Если непыльное дело, то наверняка мокрое.

– Сухое! По крайней мере – для нас с тобой. Сухое, но денежное.

– Намёк понял. Тогда об этом не здесь, не в Управлении. Здесь у нас чистые руки... Давай за час до полуночи в кабаке «Под мухой». И друга своего бери. Аркадий, как я понимаю, заказчик? Пусть угощает в знак аванса...

Шурику, конечно, не было безразлично, за что получать деньги. Но он доверял Малышу. Тот, хоть и бывший, но свой. Он должен знать возможности и понимать внутреннюю этику. Это оборотни – беспредельщики. А честный мент знает допустимый уровень боковой работы. И цену за нее знает.

Малыш помнил этот кабак. В свое время он сам назначал здесь встречи. И даже один раз проводил задержание... Заведение с таким названием было шумным, дымным и пьяным. Это был не ресторан, а именно кабак.

Аркадий и в приличные рестораны по ночам не ходил, а

здесь совсем сник. Он сделал заказ по полной программе, но в разговоре участия не принимал.

– И что это вы от меня хотите, господа гражданские?

– Нам, Шурик, нужен сущий пустяк. Нам нужен труп.

– Не понял!

– Нам, Шурик, нужны твои связи в моргах. Найди нам свеженькое тело молодой женщины лет на тридцать. И главное – неопознанный труп.

– Зачем он вам. Я некрофилам не помогаю.

– Дурацкие у тебя шутки, Шурик... Одна дамочка уехала далеко, но забыла переоформить свою клетушку на Арбате. А у нас все ее документы. Соседи готовы опознать в твоём трупе ту самую, которая уехала... Врубился?

– Так я не полный дурак... Но она же вернется? И тогда начнется пьеса «Живой труп». Я прав, Малыш?

– Но это будет очень нескоро. Все быльем порастет. Да и с нас какой спрос? Соседи с испугу неправильно опознали. Ошибочка вышла... Берешься, Шурик? Две штуки баксов на дороге не валяются.

Шурик сразу понял, что согласится. Нигде никакой опасности не проглядывалось. И торговаться грешно – дело пустяковое за такие деньги. Но условия игры требовали от него глубоких раздумий. Да и как раз подлетел парнишка с подносом в костюме полового. Он услужливо разложил закуски

и наполнил рюмки ледяной водкой.

Они успели поднять, но пили под трель мобильного. Шурик хотел не отвечать, однако уж больно настойчив был звонок.

Разговор короткий, невнятный и явно неприятный. Шурик дал отбой и сразу налил еще по рюмке:

– Для меня это последняя. Огнестрел нарисовался. И кроме меня некому. Все, гады, попрятались.

– Ранение или убийство?

– Трупешник.

– Кто убит? Не тяни, Шурик.

– Женщина.

– Возраст?

– Около тридцати.

– Где?

– Недалеко. Двор на Сивцевом Вражке. Прямо там, на лавочке.

– Она одна была?

– Кто знает. Когда нашли, то никого рядом не было...

Жалко от такого стола отходить.

– Так мы не навсегда... Аркадий, сбегай и расплатись. Скажи, что мы через час вернемся. Скажи, что нас на стрелку вызвали – тогда все в порядке будет...

Лавочка была за высокими кустами, и свет фар к ней почти не проникал. А подогнать машину поближе мешали кир-

пичные тумбы да кособокие чугунные ограды. Криминалист и два сержанта работали при фонариках.

Женщина сидела ровно, будто выстрел пригвоздил ее к лавочке. Если бы не кровавое пятно в центре груди, то ее можно было принять за любительницу ночных прогулок. Устала, присела, откинула голову и устремила взгляд в ночное небо.

Криминалиста, возможно, тоже оторвали от стола или от кровати. Вид у него явно недовольный:

– У меня, Шурик, добыча небольшая. Есть гильза и пуля в спинке лавочки. Медики ее уберут, и буду доску выпиливать.

– А отпечатков нет?

– Откуда? Здесь и следов нет. Ее собачник нашел с догом. И оба вокруг поплясали.

– Кроме собачника свидетелей нет?

– Откуда? Выстрел в упор, звук слабенький, а двор пустынный. Одно название, что центр Москвы... Ты, Шурик, сумку ее возьми. Там наверняка все ее документы. Хотя устанавливать не придется...

Пару раз взвизгнула сирена, и во двор начала протискиваться машина с красным крестом.

Шурик сдернул с плеча убитой сумочку и подошел к Малышу:

– Ну, как тебе убитая? Похожа на вашу сбежавшую?

– Похожа.

– Тогда отнеси сумочку в свою машину. Не при фонариках же ее потрошить. Я пойду медика встречу... Есть среди экспертов один зануда. Если он, то наверняка прожектор потребует.

Около своей машины Малыш взял у Аркадия его кейс, вытащил оттуда украденную сумочку актрисы Заботиной и бросил ее на заднее сиденье. А в кейс была упрятана сумочка, еще хранившая тепло недавно убитой женщины.

Шурик появился минут через двадцать. Довольный и ожидающий продолжения банкета.

– Эксперт попался просто прелесть. Сквозное, говорит, в сердце, и осматривать тут нечего. Время убийства – час назад. Сейчас ее увезут, и мы можем к столу. А пока давайте сумочку убитой потрясем... Стоп! Мне показалось, что она была коричневая и с ремешком.

– Тебе показалось, Шурик. Она черная с двумя ручками.

– А про два куса баксов мне тоже показалось? Я их сейчас получу? Или будем коричневую сумку искать?

– Прямо за горло берешь, Шурик... Аркадий, выдай нужную сумму!

Деньги были в купюрах по двадцать долларов. Увесистая пачка, перетянутая резинкой. Очень хотелось пересчитать, но Шурик проявил доверие. Он только пролистал, вытащил

из середины деньгу и похрустел ей.

– Порядок! Теперь посмотрим, кого сегодня убили? Так, гражданка Заботина Вера Михайловна. И правда, похожа... Но за вами еще опознание. И хватит о делах. Поехали в кабак. Ты готов, Малыш?

– Я-то готов. Но боюсь, что Аркадий аппетит потерял.

– С чего это? Из-за убийства что ли? Вот невидаль какая. Из-за каждого трупа аппетит терять – голодным помрешь.

Глава 3

Любил ли Семен Маркович свою жену? Скорее нет, чем да. Но так он мог ответить только себе, только в откровенных размышлениях. В остальных случаях положительный ответ не вызывал сомнений. И действительно – четверть века непрерывного семейного стажа! Это что, как не любовь? Он даже ни разу не пугал жену возможным разводом, хотя искушения были. Несколько раз молоденькие актрисы пытались его увести. А однажды он даже был готов к разрыву семейных уз. Но ведь выскользнул из ловушки и не заставил жену нервничать. Что это, если не любовь?

Правда, он не хуже других знал, что постоянно и со вкусом изменяет жене. Но он же творческий человек! Как бы он учил актеров правде жизни, если бы не знал эту жизнь с разных сторон и с разными партнершами?

Не он один! Мог бы Шекспир сочинить про своего ревнивого негра, если бы ему самому какая-нибудь дамочка не наставила рога... Можно себе представить, как Вильяму хотелось задушить изменщицу. А он вместо того написал пьеску. От души сочинил! Вот и получился шедевр, хит для всех времен и народов... Вывод: творческая личность должна на себе все перепробовать. Нельзя изобразить подлость, если ты сам светлый и лохматый. Так же и с воровством, предательством, жадной убийства. Вот с самим убийством слож-

нее – опасно. В тюрьму не хочется.

Для Семена Марковича было еще одно оправдание по части измен жене. Никогда он не приводил любовниц домой, даже если спальня была пуста, а жена отдыхала на югах. Приходилось выкручиваться, но супружескую постель он ни разу не осквернил. Он понимал, что это святое!

Но последние годы именно спальня начала его нервировать... Жене его было всего сорок пять. Тот самый возраст, когда баба ягодка опять. И она, не очень активная в молодые годы, вдруг раззадорилась. А Семен-то не мальчик, его на всех не хватало.

Вот и сегодня утром жена начала ворочаться, ворковать и обнимать с определенным смыслом.

– Только не сегодня, дорогая. Ты же знаешь, что у нас в театре трагедия. У меня и голова, и все остальное в трауре.

– А точно, что это Заботина? Неделю ее нигде не было, и вдруг убита недалеко от театра... Ужас! Убита прямо на скамейке, да еще в глухом дворе.

– Я тоже надеюсь, что это не она. Но документы найдены. Сумочка, а в ней паспорт и все такое прочее... И не приставай ты ко мне со своими нежностями. Меня сегодня в морг пригласили. Труп опознать. Мертвое женское тело! А тебе только одно и надо...

Режиссер свернул на Хользунов переулок и поехал к Пироговке. Он очень боялся увидеть возле морга того хама, то-

го громилу, который терзал его в театре. И не зря!

Тот, кто назывался майор Колпаков, ждал около зеленых ворот и выглядел очень сурово. Он буквально вытащил Семена Марковича из машины и поволок в скверик возле Педагогического института.

Режиссер с тоской посмотрел на толпу студенточек. Все они были веселы. Все курили, галдели и принимали соблазнительные позы. Они просто жили и радовались молодости, не вспоминая, что рядом морг, а значит смерть... И тут Семен Турищев понял коварный замысел майора. «Он что-то от меня хочет. Ему надо расшатать мои нервы и внезапно нанести удар... Удачная мизансцена! Так совместить трагизм и счастье... Все девчонки хороши, особенно те две, что в теле. Не люблю худышек. Они, как диетическая еда без капли жира и приправ. Паровые котлетки!»

Малыш не мог знать, что творится в голове Семена Марковича, но инстинкт опера что-то ему подсказал:

– Что, режиссер, высматриваем очередную жертву?

– В каком смысле?

– В прямом! Актриса Заботина на вашей совести. Вы ее пытались изнасиловать, она вам подбила глаз, убежала, а через неделю находят ее труп. Что это – месть обиженного? Вы улавливаете логику моей мысли?

– Но я не виноват!

– А я и не говорю, что вы виноваты. Я говорю, что могу доказать, что вы виноваты. Могу, но не буду. Если вы ее опо-

знаете, то выстрел можно приписать хулиганам. Но если не опознаете, то придется копать на всю катушку... Кстати, вы дома не хранили пистолет?

– Пистолет? Нет... Так это вы меня на пушку берете? Не надо, я и так уже все понял... А что, она совсем на себя не похожа?

– Не очень, но похожа. И не волнуйтесь, Семен Маркович, вы не один там будите. Там еще два ее соседа по коммуналке.

– А они ее опознают?

– Они то опознают, но если вы соскочите, то пойдут очные ставки, допросы, обыски. Вам оно надо?

– Я все понял, товарищ майор. Я уже заранее вижу, что там она. Считайте, что я уже ее опознал. Никаких сомнений!

* * *

Из города многим кажется, что в деревне просто райская жизнь, что там вечное лето. Верочка тоже об этом мечтала, но сразу увидела, что заблуждалась, что это не совсем так. А через месяц сельской жизни она поняла, что это совсем не так.

Приближалась осень, и отсутствие привычных удобств начинало утомлять.

С холодной водой было проще всего. Колодец в двадцати метрах от дома – бросай вниз ведро на цепи, крути ворот и тащи до хаты.

Когда топилась печь, то и с горячей водой не было сложностей. Но огромная русская печь жрала столько дров, что становилось грустно. Зимой-то ее надо будет топить два или три раза. А дней холодных в году около двухсот. Если все это перемножить, то возникала огромная цифра. И это столько поленьев надо на один дом. А на две избы так и вообще – в два раза больше!

Наташа сама предложила зимовать одним домом и жить именно в ее избе. Тут и печь в бане не коптит, и над колодецем навес, а значит, после ночных снегопадов не надо будет сугробы разгрести...

Было и еще одно, самое главное преимущество совместной жизни. Еще не зима, а каждой из женщин было неприятно оставаться одной в ночи. Не страшно, но скучно и неудобно. Некомфортно!

Днем они постоянно говорили о жизни: пилили дрова и говорили, кололи дрова и говорили, таскали дрова и говорили. Но в этой суматохе можно лишь информацию передавать. Для душевного разговора о чем-нибудь сокровенном нужен уют и полумрак.

Переезд занял час. Еще три часа Верочка искала свою сумочку с документами. Она точно помнила, что собирала ее в Москве, в своей арбатской комнатке. Вся ее дальнейшая судьба была туманна, как и весь тот нервозный день.

Наташа предложила испытанный прием: временно забыть

о пропавшей вещи, а перед сном спокойно проговорить все возможные версии.

Забыть о сумочке не удалось, но, уже погасив свет, они попытались еще раз разложить все по полочкам.

– Вспомни, Верочка, где ты ее видела в последний раз? Ты могла ее оставить в своей комнате на Арбате?

– Могла. Сумочка на столе лежала. Я в нее впихнула паспорт, другие документы, ключи... А дальше не помню. Могла дверь захлопнуть, убежать, а сумка так на столе и лежит.

– Отлично! У нас уже есть первая версия... Теперь, Верочка, вспоминай весь свой путь в Раково. На вокзале могли сумку украсть?

– Конечно, могли! И маклер, который меня сюда поселил. И случайный прохожий. И Аркадий с Петром. Все могли!

– Вот здесь ты Вера ошибаешься. Про других не знаю, а Петя украсть не мог. Он не такой человек.

– А какой он?

– Надежный! А еще честный, добрый и сильный.

– Ты что, Наташка, влюбилась?

– Вот еще! Я всех мужиков ненавижу... Всех, кроме него.

* * *

Похороны «актрисы» прошли тихо. Ни журналистов, ни близких родственников, которых у Веры просто не было.

По своим каналам Семен Маркович выбил место на Ва-

ганьковском кладбище и из денег театра заказал закрытый гроб.

Та, что в гробу, была и вправду похожа на Веру Заботину, но не настолько, чтоб никто из актерской братии не заметил подмену.

Дрожащим голосом режиссер произнес прощальную речь. Потом хорошо поставленным басом выступил трагик. Потом невнятно поплакала гример Оксана Бабина. И всё! Побросали в могилу комья глины и поспешили в театр. Предстоял спектакль. А после него – поминки.

Во всей этой истории только одно радовало Семена Марковича. Если похоронили другую, то значит Заботина жива. А значит, он непричастен к ее смерти.

Это радовало, а все остальное пугало.

Вера говорила ему, что ее пытаются выдвинуть из арбатской квартиры. Надо бы узнать, кто будущий хозяин этой элитной жилплощади и предупредить его. Можно при встрече, а можно и анонимно...

* * *

Так получилось, что Ван Гольд не сразу приступил к обработке последней партии алмазов, привезенных Ольгой. Он начал работать только через неделю...

Это была третья встреча Пауля с Ольгой. Он распустил павлиний хвост, рассыпался в комплиментах, угощал устрицами и другой местной экзотикой. А она сияла и вообще имела вид абсолютно счастливой женщины.

Ван Гольд понимал, что радость в ее глазах не из-за него и не из-за устриц. Тут не обошлось без цепких рук Винсента. Но Ольга о нем не говорила, а Пауль делал вид, что ни о чем таком не знает.

На последних переговорах с Виктором ювелиру удалось убедить его не форсировать события и не расширять производство немедленно. Они договорились ежемесячно удваивать поставки. Если так, то к Рождеству Ольга привезла бы более трехсот камней.

Такого наплыва двадцатикаратных бриллиантов рынок не выдержит. Он задрожит, зашатается и через месяц рухнет.

Но время Пауль выиграл. Винсент должен спешить, но может не торопиться.

Ван Гольд открыл сейф и выложил перед Ольгой доллары. Десять тугих упаковок.

В ответ она игриво отвернулась, расстегнула джинсы и из каких-то потайных карманов извлекла два пакетика. В каждом по десять прозрачных фасолин. Таких же, как и раньше.

Обмен произошел! Ольга сгрэбла сто тысяч баксов в рюкзачок и поспешила к своим туристам, а Пауль смахнул алма-

зы в шкатулку. До лучших времен. Но времена пришли не просто худшие, а хуже некуда.

Через неделю, начав огранку первого камня, Ван Гольд занервничал. Он не хотел верить, но по преломлению света в первой грани стало ясно, что это не алмаз... Дальнейшие анализы подтвердили – все двадцать камней из горного хрусталя. И все изумительно, ювелирно обработаны под те искусственные алмазы.

Пауль встречал любые виды фальшивок. Но подделок под выращенные кристаллы не попадалось. Такого никому в голову не могло придти! Это нонсенс!

Дрожащими руками ювелир с трудом набрал на телефоне длинный номер:

– Винсент, у меня катастрофа. Последние двадцать камней оказались хрустальной фальшивкой. Не могу понять, что произошло и на каком этапе... Виктору я сообщу, а ты присмотри за Ольгой. Она может оказаться крайней, а жаль... Ты береги ее, Винсент.

* * *

Начало разговора не предвещало ничего хорошего. Уж слишком хорошо Малыш знал характер своего шефа. Если Чуркин в начале разговора улыбается, то в конце жди не просто разноса, а бури с громом и молниями.

Чуркин не сел в свое огромное кресло, а медленно ходил за ним вдоль стены. Пять шагов туда, пять обратно. Как крыса в клетке. Двигался он мягкими шагами, чуть согнувшись, держа короткие ручки перед собой.

– Я доволен, Малыш. Утром меня очень порадовал Аркадий. Принес все документы на квартиру и сказал, что там уже начали ремонт... Может Аркаша работать, если его припугнуть!

Малыш невнятно поддакнул, пожал плечами и добродушно улыбнулся. Жесты настолько неопределенные, что могли пониматься как угодно.

– Вот я и говорю, Малыш, что повезло вам с этой актрисой. Где она сейчас?

– Так она на кладбище! Убита кем-то. Потом похоронена.

– А у меня другие сведения. Доброжелатель сообщил, актриса жива, а там, в земле совсем другая... Это так!?

– Не может быть, Василий Иванович! Я, конечно, в лицо эту актрису не знал, но при убитой были документы на имя Веры Заботиной. А потом ее знакомые в морге опознали.

– Документы! Опознание! Я что, не знаю ваших ментовских штук? Я не лох... Значит так, Малыш. Я уверен, что ты знаешь, где она. Сам завел дело в тупик. Теперь действуй.

– Как?

– Кардинально.

– Это как?

– Умерла, так умерла... Возьми у Брагина неучтенный ствол и действуй.

– Брагин не даст без вашей записки.

Чуркин, наконец, сел за стол, черкнул на большом листе несколько слов и протянул его Малышу, бывшему оперу Петру Колпакову. Потом он как-то сразу уткнулся в бумаги, показывая, что аудиенция закончена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.